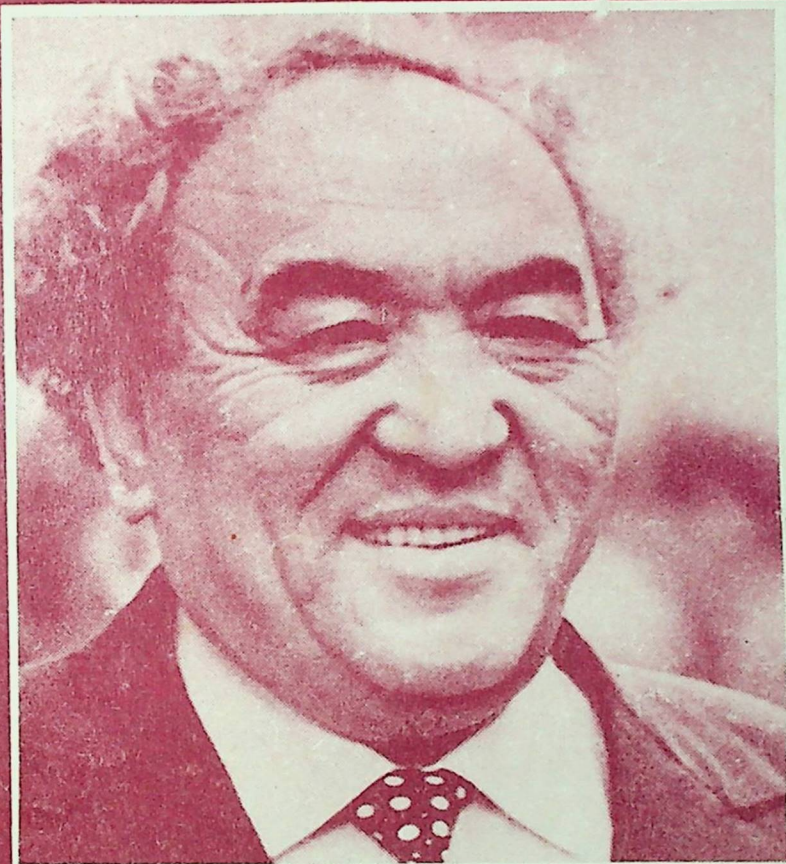

К 83.5-8
К-886
- 701157 -

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

Автобиография,
статьи,
выступления

ДАВИД
КУГУЛЬТИНОВ

Автобиография,
статьи,
выступления

Элиста,
Калмыцкое книжное издательство,
1997

ББК 84—4 (Калм.)
К 886

Составитель Д. Б. Дорджиева

К 4702260201 — 002 Без объявл.
М 126 (03) — 97

ISBN 5-7539-0381-9

© Кугультинов Д. Н., 1997.
© Дорджиева Д. Б., сост., 1997.
© Котинов С. Э., оформленис, 1997

От составителя

Не многим дано право говорить: "Мой народ", говорить от имени своего народа. Это право надо выстрадать. Марина Цветаева, размышляя о том, что значит быть народным поэтом, писала: "... нужно дать целому народу через тебя петь. Для этого мало быть всем, нужно быть всеми".

"Быть всеми" — это и дает, видимо, нравственное право говорить от имени всех. Давид Кугультинов — один из немногих избранных, кто своей судьбой, своей жизнью подтвердил право соизмерять его творчество с его судьбой.

В одной из бесед Давид Кугультинов сказал: "Конечно, я был обречен судьбой на эту жизнь. Жизнь мне сохранилась, хотя было множество возможностей, могущих лишить ее... Может, я должен был быть свидетелем того, что происходит во времени, быть может, для того, чтобы рассказать увиденное людям.

Я был свидетелем того, что произойдет за время моей жизни, очень важного звена исторического развития... Но Бог дал мне судьбу поэта, и мне не было 18 лет, когда моя книжка была набрана, в этом же возрасте избран членом Союза писателей СССР, провоевал войну, был свидетелем попытки уничтожения своего народа и выступал за него в стихах, в речах.

Был заключенным и видел все, затем беседовал о судьбе калмыков с Хрущевым, Брежневым, Горбачевым, Ельциным и многими выдающимися деятелями, я не говорю о литераторах (со многими дружил). Имею основания быть довольным судьбой. Я был со своим народом и жил его судьбой, поэтому счастлив...".

О творчестве поэта написаны статьи и книги. И хотя читатель знает, что лирический герой и автор не тождественны, он всегда любопытен к жизни поэта, он хочет найти истоки поэзии в биографии автора, в его судьбе и радуется, если находит подтверждение единства "судьбы поэта и стихов поэта".

Но известна ли нам биография поэта в той мере, в какой можно было бы утверждать, что его стихи выстраданы собственной судьбой. И да и нет. Исследователи творчества, авторы статей не имели возможности более подробно говорить о некоторых фактах биографии Д. Кугультинова, в одном случае из-за объемов статей для газетной или журнальной полосы, в другом случае, считая это недостаточно научным подходом... Но была более веская причина:

долгое время отдельные факты биографии Д. Кугультинова, особенно 20—30-х годов, "норильского периода", замалчивались, как, к примеру, замалчивались происхождение, "семейные корни" А. Твардовского. И только с переходом нашего общества на пути демократизации нам удалось узнать о тех фактах детства и юности, которые, возможно, и создают нравственный потенциал личности, накладывают отпечаток на всю остальную жизнь, формируют то или иное мировосприятие, определенное отношение к обществу.

Много ли мы знаем о детстве поэта или о том, кем пришлось работать ему в норильских лагерях? Имеет ли связь далекое событие из детства — дед с маленьким Давидом идет по пахоте, или, взяв его, старшего внука, с собой на такое прозаическое, но нужное дело — карболкой обрабатывать отару — с творчеством зрелого поэта. Не будем давать готовый ответ, а предоставим возможность читателю прочитать стихотворения: "Зеленая, еще не колосится..." или "Курдючная овца". Конечно, подумает иной: овце — "подобье оды"! Но перед нами оживает целый мир жизни наших дедов и отцов, в их единстве с природой, с их ощущением настоящего рачительного хозяина, с их разумным хозяйствованием, с их многовековым опытом надеяться не на заемные продукты, а на плоды своего труда. И это ода не патриархальному труду, а, как сказал сам поэт в стихотворении "Зеленая, еще не колосится..." , человеку, который лишь в "в соавторстве с землей и водой" может преобразить мир.

Философские стихи Д. Кугультинова потому безоговорочно увлекают, что не придуманы, а взяты из жизни — своей собственной, прожитой в единстве с народной.

Не эти ли события собственной и народной жизни заставляют поэта не только стихами воздействовать на душу читающего, но и статьями и выступлениями с высоких трибун съездов, конгрессов, симпозиумов с болью говорить о судьбе своего народа, о критическом состоянии природы, о наступлении песков, потому что утрачено "чувство хозяина степи", бить тревогу из-за отказа от многовековых традиций, взывать к народам еще недавно огромной державы быть терпимыми и дружелюбными, говорить о том, что, когда плохо одному человеку, не может быть счастлив целый народ. Об этом его стихи и поэмы, об этом его статьи и выступления. Предлагая читателям этот сборник, мы и хотели познакомить их более подробно с биографией поэта, а также показать целостность творчества и жизни "человека-планеты": неразделимость гражданина, поэта, публициста, общественного деятеля в одном человеке — сыне Калмыкии — Давиде Кугультинове, чье имя несет в межзвездном пространстве планета № 2296.

О награждении орденом
"За заслуги перед Отечеством"
III степени Кугультинова Д. Н.

За заслуги перед государством и выдающийся вклад в развитие отечественной литературы наградить орденом "За заслуги перед Отечеством" III степени Кугультинова Давида Никитича — поэта, Республика Калмыкия.

*Президент
Российской Федерации
Б. ЕЛЬЦИН*

Москва, Кремль,
12 марта 1997 года, № 216

Уважаемый Давид Никитич!

Примите мои самые теплые поздравления с юбилеем — 75-летием со дня рождения. В России и далеко за ее пределами Вас знают как прекрасного поэта, искреннего, в высшей степени порядочного человека, преданного сына Отечества. Ваш жизненный и творческий путь неразрывно связан с судьбой калмыцкого народа и является ярким примером служения многонациональной России. Ваше творчество обогатило сокровищницу российской и мировой литературы. Высокие гуманистические и нравственные принципы, философское осмысление добра, ответственность и долг человека перед своим народом, беззаветное служение Отчизне и укрепление межнационального согласия — на жизненных образах Ваших героев воспитаны многие поколения россиян. Знаю, как много времени и сил Вы отдаете общественной деятельности. Ее пронизывают обостренное чувство справедливости, бескорыстие и сострадание к ближнему, забота о подрастающем поколении. Всей своей жизнью и деятельностью Вы помогаете людям стать духовно богаче, нравственно чище. Спасибо Вам, Давид Никитич, за все, что Вы делаете. От всей души желаю Вам доброго здоровья, счастья, творческих сил и жизненной энергии на благо Калмыкии и всей России!

*Президент
Российской Федерации
Б. ЕЛЬЦИН*

Уважаемый Давид Никитич!

От всей души поздравляю Вас с юбилеем!

Ваше творческое наследие поэта, писателя, публициста принадлежит не только калмыцкой, но и всей нашей многонациональной российской культуре. На Вашу долю выпало немало испытаний, и тем ценнее сегодняшнее Ваше слово, являющееся нравственным ориентиром для нынешнего и грядущих поколений.

Желаю Вам, уважаемый Давид Никитич, крепкого здоровья, творческого вдохновения, счастья и благополучия Вам, Вашим родным и близким.

*Председатель Правительства
Российской Федерации
В. ЧЕРНОМЫРДИН*

Основные даты жизни и творчества Д. Н. Кугультинова

- 1922 г. — 13 марта в х. Абганер Гаханкин Западного улуса Калмыцкой АО (ныне с. Эсто-Алтай, колхоз им. Карла Маркса Яшалтинского района Республики Калмыкия) в семье школьного учителя родился первый ребенок и был наречен именем Дава. Он стал первым внуком Эмке Джамсуевича Кугультинова, зажиточного крестьянина-скотовода, и этот факт сыграл свою роль в судьбе будущего поэта.
- 1931 г. — дед раскулачен, сослан с семьей на Урал. Отцу Давы — Никите Эмкеновичу — вместе с сыном удается перебраться в совхоз № 107 "Тангин Зянг" (ныне совхоз "40 лет ВЛКСМ" Приютненского района), где он работает учителем, заведующим школой-семилеткой. В этом совхозе Дава пошел в школу, здесь и начал писать свои первые стихи, напечатанные в многотиражке совхозного политотдела, о чем впоследствии не без иронии он сказал, что эти стихи давали ему повод воображать себя большим поэтом.
- 1937—
1938 гг. — Давид Кугультинов — ученик 10 класса средней школы № 1 г. Элисты. Сохранилось фото, на котором запечатлены учителя (В. П. Козлов, Б. М. Манджиев, П. М. Косяков, А. С. Длугоборская и др.) и ученики выпускного класса: Д. Н. Кугультинов, Е. Х. Косиева, Е. А. Соколова, Е. Б. Шургучинова, Гайворонский, Воробьева, Н. И. Теврюкова и др.
- Будучи учеником 8 класса средней школы № 1, входит в "Тайный союз вечных друзей", в котором состояли ученики Пишман Азыдов, Владимир Текучев, Евгения Косиева, Елена Соколова, Юрий Лабутин, избранный секретарем "Союза". Давида Кугультинова избирают президентом "Тайного союза...". По доносу одного из учеников было заведено дело на его членов и в первую очередь на Давида. Дело было закрыто после вмешательства и объяснений В. П. Козлова, впоследствии секретаря райкома партии.

- 1939 г. — Давид Кугультинов — студент Калмпединститута в г. Астрахани. Стихи молодого поэта печатаются на страницах республиканских газет.
- 1940 г. — стихи Д. Кугультинова на калмыцком языке изданы отдельной книгой — "Стихи юности". В докладе на VIII пленуме СП СССР, проходившем в г. Элисте в связи с 500-летием "Джангара", лирическое дарование Д. Кугультинова отмечено как явление нового таланта в калмыцкой литературе. Стихи в переводе на русский язык получили хороший отзыв А. Фадеева и др. Принят в Союз писателей СССР. Со второго курса пединститута Д. Кугультинов призван в Красную Армию, старшиной, а затем младшим лейтенантом служит в составе наших войск в МНР.
- 1942 г. — с началом Великой Отечественной войны подает заявление о направлении на фронт и с 1942 г. в составе войск 2-го Украинского фронта принимает участие в боях. Был офицером-политработником, корреспондентом дивизионной газеты 252-й стрелковой Харьковско-Братиславской орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого дивизии. Принимал участие в форсировании Днепра, а также в Корсунь-Шевченковской операции. На фронте принят в члены КПСС.
- 1944 г., май — снят с передовой за принадлежность к калмыцкому народу, депортированному в декабре 1943 г. в Сибирь.
- 1944 г., май — преподаватель автомобильного техникума в г. Бийске (Алтай) по апрель 1945 г..
- 1945 г., апрель — арестован, осужден за стихи и выступления в защиту калмыцкого народа по статье 58/10 и препровожден в Норильск, где на заводе № 25 (никелевом) Норильского горлага (государственного особо режимного лагеря) был пачуковщиком*, медстатистом, прачкой,

---

* Пачуковщик — рабочий-металлург, который в деревянных чанах диаметром 8, высотой 10 метров осаждает из обогащенной руды никель и кобальт с помощью серной кислоты и гипохлорида.

бригадиром на строительстве Норильского аэропорта, завскладом и т. д.

В 1992 г. АО "Норильский комбинат" присвоил Д. Кугультинову звание "Почетный пачуковщик", принял в акционеры, выделив льготные и обычные акции.

- 1956 г.,
сентябрь — реабилитирован, восстановлен членом КПСС и Союза писателей СССР. До июня 1957 г. является писателем г. Норильска. В это время принимает активное участие в восстановлении автономии калмыцкого народа.
- 1956 г.,
лето — принимал активное участие в работе "Инициативной группы" калмыков, во главе с О. И. Городовиковым, по восстановлению Калмыцкой АССР.
- 1957 г.,
июнь —
1957 г.,
сентябрь — ответственный секретарь Союза писателей Калмыкии, непосредственно занимается восстановлением калмыцкой литературы, переводит произведения калмыцких писателей на русский язык для последующего их издания в центральной печати и московских издательствах.
- 1957 г.,
сентябрь—
1959 г.,
июнь — слушатель Высших литературных курсов при Литературном институте им. М. Горького в г. Москве.
- 1960 г. — экстерном, с отличием закончил Литературный институт им. М. Горького в г. Москве.
- 1961 г.,
май — на литературной работе в г. Элисте.
- 1961 г.,
июнь — председатель Союза писателей Калмыкии по декабрь 1964 г. .
- 1964 г.,
декабрь — литературная работа в г. Элисте.
- 1965 г. — сборник "Стихи" получил большой резонанс среди читателей страны, в прессе, был выдвинут на соискание Ленинской премии.
- 1967 г. — присуждена Государственная премия РСФСР за сборник "Я твой ровесник".

- 1969 г. — народный поэт Калмыкии.
- 1970 г. — в г. Москве в издательстве "Художественная литература" издано двухтомное собрание сочинений с предисловием Семена Липкина.
- 1970—1990 гг. — секретарь правления Союза писателей РСФСР, член правления СП СССР. В 1971—1972 гг. — рабочий секретарь правления СП РСФСР (в г. Москве), на III съезде СП РСФСР выступает с докладом о творчестве молодых поэтов России.
- 1972 г., март — в г. Москве состоялся юбилейный вечер, посвященный 50-летию Д. Кугультинова. Выступили: К. Симонов, М. Шагинян, А. Сурков, М. Карим, К. Кулиев и др. Вел вечер С. Михалков (См. журнал "Теегин герл", 1995, № 7).
Награжден орденом Трудового Красного Знамени.
- 1973 г., декабрь— — председатель правления Союза писателей Калмыкии (по август 1991 г.).
- 1976 г. — присуждена Государственная премия СССР за сборник "Зов апреля".
- 1976—1977 гг. — издательство "Художественная литература" (г. Москва) выпустило собрание сочинений в 3-х томах с предисловием Чингиза Айтматова.
- 1980 г. — избран депутатом Верховного Совета Калмыцкой АССР.
- 1982 г. — в стране широко отмечено 60-летие поэта. За заслуги в развитии литературы награжден орденом Ленина. Для участия в торжествах в г. Элисту прибыли Н. Федоренко, М. Дудин, Р. Гамзатов, М. Карим, Н. Доризо, А. Нурпеисов, Л. Ошанин, Шукрулло, А. Шогенцуков и др. (См. кн. "Слово о Давиде Кугультинове". Элиста, 1983 г.).
- 1985 г. — вновь избран депутатом Верховного Совета Калмыцкой АССР.

- 1988 г., декабрь—1992 г., январь — депутат Верховного Совета СССР. Член Президиума ВС СССР.
- 1988 г. — в издательстве "Художественная литература" (Москва) издано второе собрание сочинений в 3-х томах с предисловием Чингиза Айтматова.
- 1990 г. — присвоено звание Героя Социалистического Труда.
- 1990 г. — в Смитсоновской астрофизической обсерватории (США) Центр по малым планетам зарегистрировал планету № 2296 под именем "Кугультинов".
- 1991 г. — избран членом ЦК и Политбюро ЦК Компартии России.
- 1992 г. — Калмыцким книжным издательством издано двухтомное собрание сочинений на калмыцком языке.
- 1993 г. — председатель Совета Старейшин при Президенте Республики Калмыкия К. Илюмжинове.
- 1993 г. — член комиссии по Государственным премиям при Президенте Российской Федерации Б. Ельцине.
- 1997 г., март — Указом Президента Российской Федерации Б. Ельцина награжден орденом "За заслуги перед Отечеством" III степени.
- В 1970-80-е гг. — Д. Кугультинов избирался вице-президентом общества "СССР — Таиланд", председателем Комитета солидарности писателей стран Азии и Африки при Союзе писателей РСФСР. В составе правительственных и творческих делегаций был в США, Японии, Китае, Индии, Алжире, Тунисе, Италии, Ливане, Монголии, Болгарии, Польше, Чехословакии и других странах, а в 1990-е годы также в странах СНГ.
- Автор свыше 60 книг на русском, калмыцком и других языках народов СССР, а также чешском, словацком, монгольском, английском языках. Стихи публиковались почти на всех языках народов СССР, английском, арабском, итальянском, хинди, польском, чешском и др. языках.

Каждый, кому доводилось писать свою биографию для печати или вообще вещь биографического характера, должно быть, ощущал то чувство неловкости, которое сдерживает бег пера по глади чистой страницы. Невольно приходят мысли: неужели твоя жизнь была настолько безупречной, что можешь ее, без угрызения совести, выставлять напоказ всем желающим глянуть на нее со стороны? Осмелишься ли ты обнажать перед всеми душу, когда воспитанные люди и в зеркало смотрят наедине с собой? Каждый делает свою жизнь сам и неужели ты был так мудр, что сотворил ее примерной для других и пишешь в назидание? Нравственно ли писать автобиографию, если заранее известно, что даже умалчиванием чего-то не скажешь всей правды о себе, значит, и об обществе, ибо ты часть его? Ведь, читая "Исповедь" Руссо, и то...

Подобное течение мыслей сменяется другим, — давно до тебя, еще в те времена, когда материя, составившая твою плоть, благодаря силе притяжения матери-земли, не улетая в бесконечность космического пространства разрозненными частицами молекул элементов таблицы Менделеева, то возрастала зеленой травой, то отработанным кислородом выливалась в трелях из соловьиного горла, — еще тогда мудрые люди писали свои биографии и писали не из гордыни, не для себя, а для других, ибо человек стал человеком с тех пор, как другого осознал в себе и частью себя. Человек беспокоился о том, чтобы другой не споткнулся о ту кочку, на которой споткнулся он, чтобы другой не прошел мимо той радости, которая принесла ему счастье. Он понял, что его жизнь — сумма накопленного опыта удач и неудач, побед и поражений, счастья и горя, — составляет ценность общества, ибо рождение каждого человека и его грядущая жизнь готовятся предыдущими поколениями, тысячами поколений, жившими до него.

Несколько лет тому назад, почти через двадцать лет, я вновь приехал в свой родной хотон — калмыцкое селение. За эти годы он передвинулся километров на пять влево, и его прежнее место было запахано под хлеб. Но все же меня неодолимо потянуло именно в ту точку земли, где я родился, словно я позабыл там что-то очень важное. Я взял с собою старика Андрэ — моего дядю. Как из далекого сна возникали знакомые ложбины и холмы, но странно

— все было поразительно меньше размерами, чем сохранилось в моей памяти. Огромный курган был всего лишь небольшим бугорком, величиной с горб верблюда, а гора, с вершины которой, как казалось в детстве, можно было доставать звезды с неба, была лишь махоньким пригорком. Дядя показал мне едва заметную, обросшую травой насыпь — след нашего дома. Она была сплошь изрыта мелкими норками полевых мышей. Мы подошли ближе. Тут, на бурых колючих стеблях полыни, я увидел повисшую сухую шкуру змеи, а чуть выше, на насыпи, — хозяйку этого платья, большую степную гадюку. Она угрожающе подняла голову, высунула острый, блестящий темно-коричневый язычок и зашипела. Я быстро схватил валявшийся под ногами, почерневший от времени обломок черепицы и замахнулся, но кинуть не успел — дядя торопливо и, как мне показалось, испуганно отвел мою руку в сторону.

— Зачем! — укоризненно покачал он головой. — Такая хорошая примета!

— Чем же она хороша? — изумленно спросил я.

— Да ведь это не какая-нибудь лягушка, а могучая гадюка стережет место твоего рождения, охраняя твой *кишиг*, твоё счастье, которое началось вот отсюда! Здесь ты впервые приподнял свои веки и увидел небо и солнце, землю и людей, а это и есть начало человеческого счастья, — философски заметил дядя.

— Дядя Андрэ, ведь вы знаете, какое у меня счастье, — с усмешкой ответил я ему.

— Знаю, знаю, — сказал Андрэ, взглянув на меня. — Ты воевал за правду, был на остриях миллионов крепких пик, горел в огне войны, а, видишь, остался жив. Разве это не есть счастье? Мужички не хуже тебя погибли. Ты много лет был в тюрьме. Старички говорят: "Пусть лучше жизнь умрет, чем имя".

Разве сохранить свою честь, пройдя через столь трудные испытания, не есть счастье? — несколько торжественно воскликнул мой дядя и повел меня в сторону холмика, метрах в двухстах от нас.

— Это — могилка твоей тети, которую ты не видел, она умерла за несколько дней до твоего рождения.

Я безразлично глядел на осевший, почти сравнявшийся с землей холмик. Это задело и рассердило дядю.

— Ты послушай, что я тебе скажу, — наставительно продолжал он. — Был голодный год. Дед твой всей многочисленной семье нарезал равными долями по тоненькому ломтику хлеба. Ты был тогда еще в материнской утробе. Твоя тетя знала, что скоро умрет. Она не ела свою долю, а по праву старшей заставляла есть твою мать. Мама твоя отказывалась, но та ей приказывала: "Я не тебе даю, а

тому, кто в тебе... Что пользы от того, что я лишний месяц проживу? Зато пусть он живет сто лет за месяц, недожитый мною. Бери!" — говорила твоя тетя. А теперь подумай: если бы тогда твоя мама не получала лишний кусок хлеба, — может, и тебя не было бы на свете?

Рассказ дяди взволновал меня. Так, оказывается, еще не родившись, я впервые принял помощь человеческую, жертву во имя того, чтобы я жил и видел свет.

Я родился в 1922 году, в семье сельского учителя в хотоне Абганер Гаханкин Сладковского сельсовета Западного улуса Калмыцкой АО. Помню, жили мы при школе. С шести лет вместе с учениками первого класса, с которыми играл во время перемен, я стал ходить на занятия. Так, "вольнослушателем", научился читать и писать. Любил читать. Первой книжкой, которую прочитал самостоятельно и которая на всю жизнь пробудила во мне огромное любопытство ко всему напечатанному, был рассказ "Нелло и Патраш". До этого мне читали и тут же переводили "Робинзона Крузо". Замечательные иллюстрации были вторым языком книги, и я почти все понимал.

Из дошкольных лет ярко запомнился приезд к нам в гости двух калмыцких писателей и общественных деятелей: Амур-Санана и Карвина Лиджи.

Приезд двух уважаемых в народе мужей был большим событием в нашем хотоне. В доме стояла суета. Резали барана. Созывали на вечер почтенных односельчан. Я любил, когда у нас собирались люди. Много интересного рассказывалось тогда, а слушать необычайные истории я был готов всю ночь напролет. Но на этот раз было скучно. Все собравшиеся с серьезными, сосредоточенными лицами внимали гостям. Гости говорили о многих для меня непонятных вещах, часто упоминая имена Ленина и Троцкого. А потом внимательно слушали наших, и Амур-Санан что-то записывал. Это меня удивило. Такой ученый человек записывал слова Манджи, Явана, Эрдни. Я должен был читать стихи, но к концу вечера вышло так, что остался незамеченным, — видимо, не до меня было. Лишь, отъезжая, ласково погладив мою голову, Амур-Санан спросил:

— Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

— Ученым, — ответил я, не задумываясь.

Мой ответ ему понравился. Он покопался в кармане, вытащил горсть мелочи и сказал:

— Если сосчитаешь — все деньги будут твои.

Я схитрил. Считал очень долго, хотя про себя и знал, что не сосчитаю. Уж больно не хотелось возвращать то, что попало в руки.

— Ну, ладно, когда станешь ученым, тогда и сосчитаешь, — сказал он, смеясь, — учишься, чтобы быть ученым.

Я в самом деле хотел быть ученым. Только нужно иметь в виду, что ученым в то время у нас считался тот, кто умеет бегло читать и красиво, каллиграфическим почерком писать. Пользуясь случаем, хочу сказать, что у нашего народа всегда было глубочайшее уважение к науке. Это подтверждают многочисленные пословицы и поговорки, такие как "сокровища казны исчерпаются, сокровища знаний — никогда!".

Я любил слушать и рассказывать школьным товарищам о богатырях "Джангара" и волшебниках. Обычно мы уходили в степь, находили укрытие от ветра и просиживали до вечера — мы жили в мире чудесных легенд о фантастических странах, созданных народным воображением. Тот, кто знал фольклор, пользовался почетом и уважением не только среди детей, но и среди взрослых. Бывало, в зимние вечера почтенные дяди, одобрительно кивая, внимательно мои выдумки о подвигах степных богатырей. В знак благодарности угощали меня сладостями.

Из детских лет хорошо помню период коллективизации. Мужчины хотона часто собирались в школе и в сплошном дыму крепкого самосада, при свете двух семилинейных керосиновых ламп допоздна говорили, обсуждали, что к чему. Мне не запрещали бывать почти на всех собраниях. После всего слышанного создавалось впечатление, что это очень хорошее дело, все желают колхоза, но при этом каждый хотел, чтобы лично его хозяйство (из тех, кто имел) было сохранено, а у всех других — обобществлено, а он посмотрит со стороны — как пойдет жизнь. Особенно стремились к обобществлению хозяйств те, разумеется, у кого не было ни коровы, ни лошади. И все же у них чувствовалась боязнь нового.

Когда вводили со двора нашу пегую кобылку — я убежал в сарай и долго плакал. Не потому, что во мне было так сильно чувство собственника, а потому, что мы с ней крепко дружили. Я часто разговаривал с ней и, может, поверял ей то, что никому не говорил. Мне было жалко лошадку и себя. Казалось, теперь она стала ничьей. Во всяком случае, моей уже не будет.

После окончания пятого класса случилось важное для меня событие. В ту пору мы из своего хотона переехали в другой район, в совхоз. Учился я хорошо, был ударником. Рабочком совхоза № 107 совместно с руководством школы премировал меня отрезом на рубашку и вторым томом "Капитала" Карла Маркса, как было указано в приказе "за активное участие в общественно-политической жизни и ударную учебу". К тому были основания. Незадолго до окончания учебного года в многотиражной газете политотдела нашего совхоза появилось мое первое, напечатанное типографским шрифтом стихотворение под длиннющим названием "Успешно проведем отелочную кампанию". Помню, в нем было очень

много вопросительных и восклицательных знаков, и я, определяя политические задачи, давал практические указания. Но каким бы ни было это стихотворение, оно, напечатанное в газете, давало мне повод считать себя поэтом. Я даже стал хуже учиться, создавая каждый день графоманские поэмы о чем угодно.

То были годы, когда лозунг о необходимости бдительности начинал приобретать свой последующий зловеший смысл.

Комсомольцы и пионеры старшего возраста нашего совхоза организовали боевые посты ночного наблюдения, направленные против вылазок классов врагов. По приказу помощника начальника политотдела по комсомолу старший конюх скрытно готовил на ночь для нас лошадей. Перед рассветом группами по 4—5 человек, от 13 до 16 лет, мы садились на оседланных коней и веселой кавалькадой галопом мчались вперегонки по ковыльным прериям калмыцких степей, совершая свой ночной "героический" рейд. Удивительно, выполняя задания комсомольской и пионерской организаций, в пути каждый из нас воображал себя героем "Дубровского" или "Всадника без головы", "Тараса Бульбы" или "Ричарда Львиного Сердца".

Мы появлялись на гуртоправских точках неожиданно, в период сладчайшего сна скотоводов, проверяли работу, выполнение директив, которые сами знали туманно, бдительность гуртоправов. Мы доискивались: не пользуются ли они молоком государственных телят для своих собственных детей, не сбивают ли тайком масло на калмыцкий чай. И вот что странно: взрослые люди беспрекословно выполняли наши требования, и оттого почему-то мне, мальчику, было почти стыдно то ли за них, то ли за себя. Я смутно догадывался, что мы поступаем нехорошо. Правда, бывали случаи, когда отдельные гуртоправы довольно в резкой форме давали нам "от ворот поворот". Но их на другой день вызывали в политотдел. В следующий раз они предпочитали держаться смиренно.

Однако, как бы там ни было, явного антагонизма, враждебности между нами и гуртоправами не было, напротив, кажется, они даже проявляли к нам уважение, смешанное с недоумением — почему это нужное дело делается именно так, при помощи детей. А в нас по отношению к гуртоправам шевелился червь гордыни превосходства. Ведь и ребенок — человек.

Нас поощряли руководители, но я тогда не понимал, почему старики, поглядывая на нас, укоризненно качали головой, горестно вздыхали и говорили в чей-то адрес: "И кого они выращивают?"

Выше я упомянул о своем первом напечатанном стихотворении, название которого, вероятно, вызвало у читателя улыбку. Разумеется, оно было лишь ученическим подражанием некоторым образцам поэзии тех лет, в основе которой лежала "классовая борьба".

Крушение моих литературных иллюзий началось после того, как я переехал учиться в Элисту — столицу нашей республики. При образцовой школе № 1 (тогда были образцовые школы) был литературный кружок. Разумеется, я сразу записался туда. И тут в смятении начал догадываться о том, что стихи мои — далеко еще не стихи. Руководителем нашего кружка был наш преподаватель русского языка и литературы, один из самых образованных калмыцких писателей Бата Манджиевич Манджиев. Все мои одноклассники знали, что я был у него на "особом учете". Он был тот, кому я первому давал читать каждое новое стихотворение, и он, собственно, сформировал мою первую книжку стихов — "Стихи юности". В то время я заканчивал 10 класс.

Во второй половине тридцатых годов я начал печататься довольно активно. Хотя в те годы лучшие калмыцкие писатели не по своей воле находились далеко от родных краев (Санджи Каляев, Гаря Даваев, Константин Эрендженов и др.), в литературу входила группа талантливой молодежи: Басанг Дорджиев, Морхаджи Нармаев, Намру Ванькаев, Михаил Хонинов. Активно работали уже члены Союза писателей: Баатр Басангов, Церен Леджинов, Лиджи Инджиев, Пюрвя Джидлеев, Санджи Эрдюшев, Михаил Тюлюмджиев и др. Калмыцкая литература явно находилась в преддверии подъема.

В ту пору мне было семнадцать лет. По просьбе директора издательства Бата Манджиев сдал в печать мою первую книжку стихов. Сам бы я, разумеется, тогда не осмелился на такой шаг. Много работал над рукописью Лиджи Инджиев. Книга вышла в свет в 1940 году. Не буду говорить о чувстве несказанной радости, охватившей меня, когда я взглянул на обложку сигнального экземпляра со своим портретом — оно понятно. Читатели и пресса приняли сборник. Некоторые стихи из этой книжки, переведенные Д. Г. Бродским, в том же году были напечатаны в Москве в альманахе "Творчество народов СССР" (ныне "Дружба народов") и в общем сборнике "Поэзия Калмыкии", вышедшем в издательстве "Советский писатель".

В 1940 году я стал членом Союза писателей СССР. Судя по этому факту, в те годы, видимо, довольно смело в Союз принимали молодых, и они на самом деле, имею в виду возраст, были молодыми.

В сентябре 1940-го года широко отмечалось 500-летие "Джангара". В Элисте состоялся VIII пленум Союза писателей СССР, посвященный юбилею калмыцкого эпоса. Здесь я впервые увидел многих известных писателей страны, познакомился с ними. Приехали Фадеев, Новиков-Прибой, Павленко, Сельвинский, Инбер, Караваева, Кочин, Шефнер, Бажан, Танк и многие другие. Личное

знакомство и беседы с выдающимися писателями оставили неизгладимое впечатление на всю жизнь. За несколько дней праздника я, кажется, стал старше.

Как водится, в дни таких торжеств гостей возили по колхозам и совхозам — знакомили с "жизнью народа". Всем запомнилась поездка в колхоз им. Городовикова, где на глазах у восхищенных зрителей молодые калмыки-табунщики арканами ловили из табуна необъезженных коней и тут же укрощали их. Действительно, единоборство между человеком и полудиким степным неуком вызывало чувство гордости. Картина укрощения калмыками необученных лошадей отлично описана в книге И. Е. Репина "Далекое близкое". После зрелища нас пригласили к хлебу. Столы были расставлены на улице, на воздухе. Я оказался рядом с Миколой Бажаном, чье творчество за год до этого изучал в школе.

В той местности, где нас угощали, когда-то был центр буддийского духовенства. Здесь было нечто вроде академии, в которой обучали будущих гелюнгов-священников, астрологов, врачей. Она имела богатейшую уникальную библиотеку, состоящую из книг не только духовных, но и по тибетской медицине, философских, светских на тибетском, древнемонгольском, калмыцком языках. Основной фонд этой библиотеки был вывезен калмыками из Джунгарии еще в начале XVII века, а затем пополнялся в последующие века. Среди книг были и произведения выдающегося калмыцкого просветителя первой половины XVII века Зая-Пандиты, который в 1648 году провел реформу калмыцкой письменности, согласовав алфавит с требованиями фонетики живого языка. К сороковому году нашего века академии уже не было, а книги ее библиотеки были выброшены из хранилищ, так как хранилища стали собственностью местных властей и были употреблены, с их точки зрения, более полезно. Калмыки не жгли эти книги из суеверия, а, может, по другим причинам, но разорванные, разрозненные продолговатые листы с таинственными письменами, шедшими сверху вниз, неразумные ветры долго носили по окрестным полям.

Мы о чем-то говорили с Миколой Платоновичем, когда крутящийся степной вихрь неожиданно подкатил целую стопу этих листов к нашим ногам.

— Что это такое? — спросил он меня.

Я рассказал, в чем дело. Лицо его стало сразу грустным, он помрачнел и, печально глядя на уносящиеся вдаль листки, не скрывая гнева, шептал: "Какое варварство! Какое варварство!" Причины, вызвавшие эти слова, я понял значительно позже. Тогда же я в своей святой простоте полагал, что мы ведем решительную революционную борьбу с "религиозным дурманом", за цивилизацию.

В эти дни мне довелось, единственный раз в жизни, беседовать с А. А. Фадеевым, который в своем выступлении на митинге по поводу юбилея "Джангара", говоря о калмыцкой литературе, добрым словом упомянул и мое имя.

Со второго курса пединститута меня призвали в армию. Был офицером-политработником, работал в дивизионной газете 252-й стрелковой Краснознаменной Харьковской дивизии. На фронте пришлось испытать все, что доводится испытывать солдату. Штат дивизионной газеты был небольшой. Редактор, его заместитель да я, самый младший по возрасту и по должности. Заместителем был поэт Сергей Тельканов. С ним мы, в буквальном смысле, укрывались одной шинелью, другую подстилали под себя, ели из одного котелка, делили все военные невзгоды. Я уже отметил, что был самым младшим по должности. У калмыков есть пословица: "Последнему верблюду — поклажа потяжелее". Мне чаще приходилось бывать на передовой, а иногда неделями не ходить оттуда.

Война оказалась совсем не такой, какой она представлялась мне раньше. Только на фронте, мне кажется, в какой-то степени я постиг ее.

На войне, я думал, не роняя достоинства, я прохожу труднейшие испытания судьбы на верность Родине. Но я ошибался — худшие испытания были впереди. Я ошибался, ибо за годы жизни убедился — человек каждый день испытывается перед совестью своею и людьми на право ношения этого высокого звания — Человек.

Весной 1944 года, после разгрома Корсунь-Шевченковской группировки, меня отозвали в штаб 2-го Украинского фронта. Там я встретил много знакомых офицеров калмыков. Было ясно, что собирают нас по национальному признаку. Здесь мы узнали о трагедии, постигшей наш народ. Эта весть не могла вместиться в наше сознание — до того была страшна и нелепа. Она была вне разума. Никогда никто из нас, коммунистов, не мог допустить мысли о том, что можно репрессировать целый народ. Позже мы узнали детали.

Я оказался в Алтайском крае. Стал работать преподавателем автомобильного техникума в г. Бийске. Писал стихи. Читал. Не писать не мог. Я знал, что могу поплатиться за них. Может, головой. Но разве можно было молчать? Кто бы я был тогда? Я написал письмо на имя Сталина, которому все еще верил, и через своего товарища Константина Жемчуева отослал в Москву. Может быть, мой поступок по тем временам был наивным, но чрезмерная мудрость, выражающая себя в благообразной сверхосторожности, иногда превращается в обыкновенную подлость и почти всегда — в трусость. Однако трусость никогда не реабилитирует подлости.

В письме я сообщал о положении своего народа. Сообщал правду. Просил облегчить его участь. Считал, что обвинение, предъявленное калмыцкому народу, — клевета, и просил собрать всех нас, фронтовиков, в одну особую часть, послать на самый опасный участок фронта, а затем делать вывод о том, каковы мы.

Письмо явилось поводом для возбуждения "дела". Но до сих пор я не пойму одного: как написанное мною в единственном экземпляре оно распространилось в списках? Многие мне потом говорили, что читали это письмо, в том числе, как сказал мне сам журналист Бембет Бакаев, живший в то время в Казахстане.

В 1945 году я был арестован и осужден. При обыске изъяли стихи и семь глав поэмы, в которых был протест против несправедливости по отношению к нашему народу.

Я был тогда молод — мне было 23 года. Офицер-фронтовик, повидавший всякое в жизни, физически сильный, я выработывал норму и дополнительный паек. Но, оказавшись в необычной среде, наблюдая факты, исключительные по трагичности, я, вероятно, мог бы пасть духом, потерять веру. Если бы в беде был один. Если бы не поддерживали меня могучие люди, крестьяне и рабочие, интеллигенты, партийные работники, военные, даже чекисты.

В 1956 году, после XX съезда КПСС, я был реабилитирован и восстановлен в партии. Как бы трудно ни приходилось в жизни, я никогда не терял веру в правду. Эта вера дала мне силы перенести тяжчайшие испытания жизни.

В 1957 году я выехал на учебу в Москву. Поступил на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Должен сказать, что курсы помогли мне во многом. Ведь, по существу, у меня не было того минимума образования, который давал бы право заниматься литературой, писать. Я отлично понимал — читатель вырос и, чтобы писать вещи, которые бы удовлетворили его требования, пишущий сам должен быть на уровне стремительно движущегося времени. Я много читал, но читал без системы, без руководства, без своего зренья.

Высшие литературные курсы систематизировали мои знания. Хотя и пришлось многое из прочитанного раньше перечитывать здесь заново, но я открывал для себя то, что до этого оставалось вне моего внимания. Теперь при чтении к книге я относился не просто как читатель, идущий вслед за сюжетом, вникая в философию произведения, а как подмастерье, которого больше интересуют тайны писательского ремесла.

Помимо теоретических знаний Высшие курсы дали мне литературную среду, в которой я так нуждался. Здесь я застал Кайсына Кулиева, Чингиза Айтматова и многих других видных писателей.

При всем желании назвать всех, кто учился со мной, не могу, но

общение с каждым из них обогатило меня. Наш творческий семинар вели такие поэты, как Михаил Светлов, Ярослав Смеляков, Сергей Наровчатов — их имена говорят сами за себя.

В 1960 году экстерном с отличием закончил Литературный институт имени Горького, несколько позже аспирантуру. Я в эти годы не только учился, но и много работал.

В 1958 году, после долгого перерыва, вышла моя новая книга на родном языке — поэма "Моабитский узник". Прототипом героя поэмы был Муса Джалиль, которого я люблю и перед которым преклоняюсь. Он был в моих глазах истинным поэтом, ибо он во имя своего слова взшел на эшафот. Тогда же в издательстве "Советский писатель" вышел мой сборник "Глазами сердца". Добрым словом на страницах "Литературной газеты" отметил эту книгу Михаил Аркадьевич Светлов. После моего возвращения в литературу мои стихи первым перевел на русский язык Владимир Луговской. Стихотворение "Высота" в его переводе было напечатано в журнале "Огонек" в 1956 году. Оно принесло большую радость калмыкам, все еще жившим за пределами земли отцов, ибо оно было первой ласточкой родной литературы за много-много трудных лет, предвестницей долгожданной весны.

Вспоминая первые годы своего возвращения в нормальную жизнь, я ищу слово, которое объединило бы в себе имена всех, кто так сочувственно отнесся ко мне, понимал меня, помогал во всем. Всех тех, кому хотелось бы высказать самую сердечную благодарность, и, кажется, я нашел это емкое, великое слово, оно — "Москва".

Годы пребывания в Москве дали мне много новых добрых друзей, у которых я учился.

Большой удачей в жизни считаю встречи и беседы с Самуилом Яковлевичем Маршаком. Наше знакомство состоялось на одном из литературных вечеров в доме творчества в Ялте. Поэты читали свои стихи, в том числе Самуил Яковлевич. Читал и я. После вечера он пригласил меня к себе "на арбуз", просил прочесть еще и побольше. Я читал, разумеется, с удовольствием. Он внимательно слушал и смотрел на меня.

— Пусть вас не удивит мой вопрос, ибо он покажется вам по крайней мере странным, — обратился он ко мне к концу моего чтения, — я знаю, вы — калмык, но скажите, есть ли в вас что-либо еврейское?

— Ничего, кроме имени, — ответил я действительно недоуменно.

— Сейчас я вам объясню, в чем дело, — грустно улыбаясь, сказал Самуил Яковлевич, — когда вы читали стихи на вечерё и вот сейчас у меня, я все время открывал в чертах вашего лица, в очерке лба удивительное сходство с моим покойным большим другом Михо-

элсом. Вы, наверное, помните его печальную судьбу. А, может быть, есть какое-то неуловимое внутреннее сходство в вас, но я так ярко вспомнил его.

... Странно я чувствовал себя при беседах с ним. Он запросто говорил: "Помню, как-то Алексей Максимович...", "Илья Ефимович Репин...", "Владимир Васильевич Стасов говорил...", "Владимир Владимирович Маяковский...", "Алексей Николаевич Толстой..." и т. д., он говорил так, будто и для меня они были те же, что для него, а ведь все они для меня — история! В Самуиле Яковлевиче я чувствовал огромную живую глыбу классической русской культуры, которую я люблю, почти обожествляя, перед которой преклоняюсь. Он был в моих глазах живым, необходимым звеном, соединяющим великую культуру прошлого с нашими днями.

Самуил Яковлевич хорошо знал калмыцкий фольклор и высоко ценил его — он был редактором первого полного издания "Джангара" на русском языке в отличном переводе Семена Липкина.

В 1959 году в "Детгизе" вышел сборник сказок "Бамба и красавица Булгун", написанных мной на русском языке по мотивам фольклора. Позже на калмыцком языке я стихами написал ряд сказок: "Равные солнцу", "Золотое сердце", "Песнь чудесной птицы". "Равные солнцу" перевел на русский язык Лев Минаевич Пеньковский, две другие — Юлия Моисеевна Нейман.

Я познакомил Самуила Яковлевича с переводами Ю. Нейман. Сказки ему понравились. О переводчице он сказал: "Вот и еще одна среброгорлая явилась".

После сказок Юлия Нейман в основном переводила все, что я считал достойным перевода на русский язык. Я почувствовал, что ее творческий почерк наиболее близок моему.

В ту пору я завершал работу над большой поэмой "Сар-Герел". Сначала она называлась у меня сказкой. Познакомившись с ней, Самуил Яковлевич стал убедительно возражать против такого определения жанра. "Это у вас поэма, а не сказка, — сказал он. — Вы говорите, что в основе вашей вещи лежит фольклор. Хорошо, но что вы скажете тогда о "Руслане и Людмиле", "Демоне"? Как вам известно, авторы этих произведений называли их поэмами. Ведь они через сказочный сюжет выразили свое отношение к современной им жизни, свою философию! Нет, голубчик, что ни говорите, у вас не сказка, а определенно лирико-философская поэма!" Я согласился с его доводами.

Самуил Яковлевич дал мне ряд очень важных советов по композиции поэмы.

Общение с выдающимся поэтом нашего времени дало мне очень много.

Мне довелось видеть многих знаменитых людей. Но есть у

калмыков пословица: "Чем видеть лица ста человек, узнай имя одного". Я счастлив тем, что узнал имя Маршака. Я посвятил ему стихотворение без названия, начинающееся строками:

Никто не помнит
Своего рожденья.
Никто не вспомнит
Свой последний час.
Два рубежа,
    две грани,
                два мгновенья
Не ведомы ни одному из нас.

(Пер. Ю. Нейман)

Понимая, что пишу не воспоминания, а наброски, фрагменты биографии, удерживаю себя от соблазна сказать о своих друзьях Кайсыне Кулиеве, Мустае Кариме, Расуле Гамзатове, Михаиле Дудине, Чингизе Айтматове, Аркадии Кулешове, и ... тут я не могу обойтись без сакраментального "и др.". Но в данном случае это "и др." для меня огромное количество имен дорогих, близких, благородных людей, составляющих вместе с солнцем и землей мой мир, дни моей жизни. Удерживаю себя от желания написать о творчестве и личности Александра Твардовского, Алексея Суркова, Константина Симонова, Ярослава Смелякова, Сергея Михалкова, Павла Нилина, и снова, "и других", выдающихся деятелей нашей многонациональной литературы, культуры, с которыми подарила мне встречи на путях-дорогах жизни моя не очень милостивая судьба. Удерживаю себя от желания и соблазна говорить о друзьях — издателях, критиках, о всех добрых людях и думаю в то же время: прав ли я? Могла ли состояться моя биография без всех них? Где-то почти уверен, что рассказ любого человека о себе есть непременно рассказ о людях, с которыми он встречался, работал, радовался, горевал, ибо без этого не было бы самого рассказчика.

За прошедшие годы напечатано мной довольно много поэтических сборников на родном, русском и других языках.

Сборник "Я твой ровесник", изданный в 1966 году "Советским писателем", был удостоен Государственной премии РСФСР им. Горького, а в 1976 году сборник "Зов апреля" — Государственной премии СССР. В 1969 году мне было присвоено звание народного поэта Калмыцкой АССР.

Человек, который видел последнюю войну, пережил все ее ужасы и последствия, не может не думать о будущем человечества. Я долго готовился к тому, чтобы сесть за стол и начать работу

над давно задуманной поэмой. Активно начал обдумывать ее после полета Юрия Гагарина. Человек в космосе... Я отчетливо, совершенно ясно понимал, что человечество вступило на новую ступень своего развития и я как частица человечества тоже поднялся выше. Во мне было гордое чувство сопричастности к этой величайшей победе Разума, как и у каждого человека на земле. Человек в космосе... и невиданная гонка вооружений, накопление огромного количества атомных и водородных бомб, каждая из которых способна взорвать земной шар... Угроза была реальной. Человечество никогда не забудет Хиросиму и Нагасаки. Теперь уже и Чернобыль поставил перед человечеством новые проблемы...

Я задумал написать большую поэму о времени. Она первоначально имела название "Адам Крейзи", по имени главного героя, но потом почувствовал, что такое название как-то сужает диапазон замысла. Я отказался от первоначального названия, уже в процессе работы родилось новое — "Бунт разума". Пришлось прочитать большое количество литературы о Японии и Соединенных Штатах. Ведь главный герой — Адам — американец, а действие происходит в вышеназванных странах.

У каждого времени свои тревоги, свои боли. Невосприятие их писателем ведет к ожирению мозга, что вызывает дистрофию души.

Мы живем в век поразительных достижений науки и техники, но нужно помнить, что сила воздействия на жизнь произведений литературы и искусства более устойчива, чем влияние современных этим произведениям достижений науки и техники.

Первый паровоз, сделавший переворот в технике, давно уже стал экспонатом музея, а Шекспир все еще дает активные импульсы мыслям и чувствам человека.

Человек двигает науку и технику, а литература и искусство улучшают самого человека. И ничто не может их заменить.

Художники изображают иногда жизнь в виде дерева. Подземные воды не видны так же, как не видно воздействие книг, искусства, философии. Но вот уходят подземные воды, и деревья высыхают. Когда увядает древо жизни, мы также невольно вспоминаем об источниках, которые его питали.

Наша эпоха с момента атомного взрыва в Хиросиме приобрела иные критерии понимания жизни и смерти. Я видел две войны, я офицер в прошлом. Мне уже много лет. Я могу умереть завтра или через несколько лет, но это не значит, что я совсем исчезну из жизни. Подобно тому, как зерно, разорвав свою оболочку, из глубин почвы устремляет к солнцу стебель с будущим колосом, я останусь в жизни делами своими, помыслами своими.

Каждый раз, бывая в Хиросиме, я испытываю потрясение,

встречаясь с ее многочисленными жертвами. Наверное, оттого, что я человек и этот кошмар был совершен отнюдь не инопланетянами, не жестокими пришельцами из неведомых космических сфер. Человек разумом своим вызвал апокалиптические силы, и потому сама Хиросима, улицы ее, площади, деревья, травы, небо Хиросимы и река Ота, воды которой кипели, — все они как бы являются полноправными, многоголосыми участниками всех мероприятий в защиту мира в этом городе.

До сих пор передо мной стоит образ женщины по имени Мицуко, в ее рассказе — живая картина ужасов...

... 16-летняя девочка, она в 8 часов 10 минут утра 6 августа 1945 года вышла из дому и пошла на автобусную остановку, чтобы поехать в центр Хиросимы. И вдруг увидела нечто необычайное: столбы высокого напряжения, словно подпаленные, попадали, оборванные провода стали подпрыгивать, дергаться, разбрасывая искры, словно маленькие дракончики... На нее бежал человек, лишенный лица... Из пустых глазниц лилась кровь. Он упал и умер, и тогда она ощутила, что сама горит... Мицуко показала мне свой обожженный, в рубцах затылок. Упавший человек к волне стоял лицом, а она — затылком, что и спасло ее.

В Японии я обратил внимание на то, что моя переводчица часто употребляла слово "варэ-варэ", и спросил ее, что это значит. Оказалось, слово "варэ" — это по-японски "я", а "варэ-варэ" означает "мы". "Мы" — есть многократное "я". Вспомните, если бы в калмыцком "би" — "я", "бидн" — "мы" мы сумели внушить это каждому человеку! Ибо это и только это может проложить нам солнечную дорогу в завтра.

Невольно я вспоминаю слова Ф. Достоевского: "Красота спасет мир". Да, спасет, но ведь надо научить людей понимать язык красоты, иначе, как говорят калмыки, затопчут коровы красоту.

Задача литературы — красотой, гармонией слов и чувств наших создавать такой нравственный климат, который не позволит человеку поднять руку к зловещей кнопке, остановит тех, чью точную характеристику дал еще Диккенс в 1870 году. Как не вспомнить некоторых нынешних деятелей, читая в шестой главе романа "Тайны Эдвина Друда" о мистере Сластигрохе: он "всегда-то был вроде чирья на лице общества" и "возгласил однажды, обращаясь к своим ближним: "Ах, будьте вы все прокляты, идите сюда и возлюбите друг друга!" — все же его любовь к ближнему настолько припахивала порохом, что трудно было отличить ее от ненависти... Нужно прекратить войны, но сперва завоевать все прочие страны, обвинив их в том, что они чересчур любят войну... Нужно добиваться всеобщего согласия, но сперва истребить всех, кто не хочет, или по совести не может с вами согласиться. Надо возлюбить

ближнего как самого себя, но лишь после того, как вы его оклеветаете (с не меньшим усердием, чем если бы вы его ненавидели), оболете помоями и осыплете бранью”.

Мы почти 70 лет с лишним творили, строили, возводили социализм, а пришли к тому, что люди обозлены друг на друга.

Мы часто ищем поводы, чтобы кого-то в чем-то обвинить, вроде бы от этого нам станет легче и мы освободимся в какой-то степени от ответственности. Не так давно мы хоронили министра госбезопасности республики К. С. Полторака — ему было всего 50 лет. Ему было 15 лет, когда я освободился из тюрьмы. Я должен был бы ненавидеть его, потому что он из ГБ. Но он был порядочным человеком, мне жаль его. Я вспоминаю, летом у нас во дворе стали собираться подростки, похулиганивали... Он стал с ними общаться, где-то нашел подвал, организовал спортивный клуб, и многие подростки избегли того печального, что могло с ними случиться. Повторяю, К. С. Полтораку было 15 лет, когда я освободился, — неужели я, человек, достигший семидесяти пяти лет, должен был его обвинять в сталинско-бериевских кровавых злодеяниях, геноциде по отношению не только к калмыкам, но и другим народам?! Нет, конечно...

У меня нет больших оснований любить коммунистическую партию, советскую власть.

Не так давно прокурор республики вручил мне документ о реабилитации моего деда, погибшего на Урале, который был выслан туда как кулак. Я не могу без слез вспомнить бабушку, которая умерла в голодном безумии, поедая золу из печки, думая, что там есть остатки пищи, крошки хлеба...

Я вспоминаю день раскулачивания. Вроде описывали наше имущество... Но один из тех, кто это делал, надев волчий тулуп, не вписанный в описываемое, ужасно радовался, улыбался... Но другой щеголял тут же в не вписанном в опись костюме... А ведь это все были люди нерабочие. Не любившие работать. Дед мой ночами не спал — работал. И днем работал. И конечно, мы жили гораздо богаче, чем лодыри. Нажравшиеся, зарезав нашу корову. Напившиеся... ликовали. Недолго. Все они или почти все богу душу отдали от голода в 1933 году или, сотворив доносы друг на друга, померли в концлагерях... Что же, теперь мне радоваться этому? Они были "продуктами" эпохи. Ну ладно, хватит об этом.

... Я знал много сказок, притч от деда и бабушки. Гораздо позже я узнал, что народ, теряя письменность, сохранил мудрость в фольклоре и в очень доступной форме воспитывал детей в тонкостях сложнейшей философии Конфуция, сутр Будды и, может быть, заповедей христианства (в какой-то нашей газете я прочел недавно любопытную статью о проникновении в среду калмыков несто-

рианского христианства). И вот, оказывается, философия Востока, передаваемая пастухами из уст в уста, освобождаясь от не то чтобы ненужного, но мешающего пониманию сути вещей, во главу существования человека ставила самую жизнь и труд.

Люди никогда не рождались равными. Всеобщего равенства быть не могло. Можно было уравнивать всех только в глупости и бедности. Но в мудрости и богатстве — нет... Это должен был знать человек. Он должен был хорошо знать, что он может, не в смысле того, чтобы обладать, а в смысле того, чтобы мочь. И когда я размышляю с высоты своего возраста, изучая Библию и сутры Будды, Талмуд и Коран, я вижу, что извечной мудростью всего человечества было внушение человеку его возможностей. Он должен мочь, уметь и достигать в этом совершенства. Тогда он будет счастлив.

Читатель знает в какой-то степени мою жизнь. Я много раз убеждался, что человек может быть человеком, только не нужно видеть в нем опустошителя прилавков и хозяина брюха: человек, кроме того, все-таки обладатель и разума. И потому в наши дни, сложнейшие и труднейшие, путь к нормальной жизни — не в ненависти и не в выискивании виновных. На себя посмотри, кого и что ты выбирал. И выбрал. Разве, кроме тебя, кто-то виновен, если тебя обманули, потому что ты глуп? Станешь умнее — за одного битого...

... Если говорить честно, я никогда не думаю о читателе. Больше того — мне кажется, что и всякий пишущий не думает. Нельзя работать, позируя перед фотоаппаратом, отойдя от истинного себя.

Каждый раз, когда сажусь писать, во мне присутствует далеко спрятанное смутное чувство страха. Ведь высказать всего себя невозможно... И не только потому, что стыдно обнажаться — будто лежишь оголенным на операционном столе, но и потому, что ощущаешь: обнажившись, можешь оказаться совсем не таким хорошим, каким мечтаешь казаться, каким мечтаешь быть. А так хочется, чтобы тебя любили...

Передо мной чистый лист бумаги... Да разве это бумага? Это стекло, по которому пишешь алмазным кончиком пера, а стекло-то прозрачное, и по ту сторону — тысячи и тысячи устремленных на тебя глаз. Одни понимают тебя, другие упрекают, третьи снисходят до тебя, четвертые — пронизательные — видят тебя насквозь, и в них — чувство жалости к тебе: зачем пишешь?.. И в молчаливой безропотности и терпении чистого листа есть великая сила слабости женщины. Он может стерпеть многое, чистый лист, — все зависит от совести пишущего.

Разговор о взаимоотношениях читателя и писателя ведется с

незапамятных времен. И всегда оказывался прав читатель. Конечно, я имею в виду порядочного читателя. И все же, все же... Возьмите у меня то, что делает меня писателем, — я буду тем же читателем. И, зная себя, конечно, посмею ли я утверждать, что тот читатель прекрасен?

Как это ни горько, но я думаю — нынешний читатель, несмотря на все свои неоспоримые достоинства, на огромные культурные обретения, может быть уступает читателю прошлого века в силе эмоционального восприятия художественных, особенно поэтических, произведений, ибо склонен скорее чем прочувствовать — проанализировать. Возможно, это объясняется влиянием бурного технического прогресса, который человечество сегодня переживает, — ведь у современного читателя больше выбора для восполнения своих духовных потребностей (телевидение, радио, кинематограф сегодня активно конкурируют с книгой). Но чем бы такое влияние мы ни объясняли, знаю одно — его надо опасаться.

Давно замечено, что читатель в какой-то степени соавтор писателя. Если же этого нет, если читатель чужд тому, что читает, — писатель становится преступником. Да, да — преступником. А как же иначе? Представьте себе рассказ, напечатанный тиражом пять миллионов экземпляров. На чтение его, допустим, нужно пять минут. А теперь перемножьте эти 5 минут на 5 миллионов и переведите минуты в деньги...

Конечно, я сейчас шучу, но тем не менее от этой своей шутки не отказываюсь. Ведь речь идет об ответственности писателя перед читателем! Мы, пишущие, часто допускаем ошибку, наивно полагая, что наши читатели просыпаются с мыслью: ах, как бы почитать творения наших писателей!.. Мы словно забываем, чем живет наш человек, — он работает, варит сталь, пашет землю, воспитывает детей... Не потому ли порой, забывая об этом, и пишем мы немало слабого, необязательного? Мне могут возразить: любая информация ценна. Согласен. Но с оговоркой — если она первая. Человек, открывший, что дважды два четыре, гениален, но человек, который миллионный раз говорит мне, что дважды два четыре, просто болван.

Читатель и писатель — без их союза, сотворчества, без их совместных раздумий о жизни, о человеке, о будущем может быть очень трудно не только нам, людям, но и меньшим братьям нашим, и цветам, и травам — всему тому, что живет, дышит, делая планету нашу — мыслящую планету — прекрасной.

Для меня дороже всех книг в моей библиотеке том "Джангара", изданный в 1940 году. Он прошел весь путь калмыков, Сибирь и ссылку, и вернулся домой. Истрепанный том, в котором каждый лист потемнел от прикасновения множества рук. Страницы разъединены, и видно, что читали книгу несколько человек одновременно, разделив ее по главам, но ни одна страница не утеряна. Иные разбухли в буквальном смысле от слез. О чем плакали читавшие "Джангар" при свете лучины, под завывание сибирского зимнего ветра? Думаю, то были слезы радости от обретения надежды на жизнь: слезы горя и боли обреченных на гибель калмыков к тому времени уже были выплаканы, но когда из дали времен привиделось грядущее, тогда сгнули злоба, отчаяние и все мучения и воспрянула исстрадавшаяся душа. И потому мы называем эту книгу народной. По "Джангару" можно проследить путь становления калмыцкого национального характера, его духовных начал, культуры.

"Джангар" рассказывает, когда наши предки впервые удивились тому, что мысль, выраженную звуком, можно знаком обозначить на камне. Но камень изжел, ведь столько знаков нужно всегда иметь с собой. И была изобретена бумага. Упоминание об этом встречаем в одной из древнейших песен. Жестокий мангас завоевал страну, в неведомые дали угнал народ, осиротела степь, ни живого, ни мертвого не обнаружишь в ней, лишь на крепком стебле куста колыхается пергамент, на котором начертаны слова: "Нас угнали" и указана сторона, где можно найти угнанных. Я с радостью подумал, услышав эту песню от джангарчи: уже тогда калмыки умели читать, иначе для чего нужно было оставлять это письмо, которое-таки спасло страну. Благодаря этому письму богатырь освобождает свой народ. И я радовался тому письму, посланному и мне в даль времен, чтобы я знал: не зря оно привязано к стеблю.

Общеизвестно родство индийского эпоса с калмыцкой "Джангариадой", родство, истекающее от общности культур, религиозных воззрений в прошлом, а следовательно, и от общности мифологии. Если, к примеру, я читаю в индийском эпосе о горе Меру, на которой живут боги, то не могу не вспомнить, что в

калмыцком эпосе эта гора называется Сумеру. Если читаю в индийском эпосе о стране, "где слышалось пение птиц стоголовых, где травы цвели на широких просторах, где лотосы были в прудах и озерах", то, естественно, на память приходят строки моего родного эпоса о стране, "где, не смолкая, ведут хороводы свои жаворонки сладкогласые и соловьи", а герб этой чудесной страны — лотос, бадма, и само это слово санскритского происхождения.

Сравнивая "Джангар" с тысячелетним эпосом другого народа, примерно равным ему по возрасту, поэт Семен Липкин однажды высказал мысль-удивление. Он говорил, что такое высокое понятие о добре и нравственности, поистине романтическая любовь к жизни во времена детства человечества почти невероятны. И даже предполагал, что, может быть, идеи "Джангара" были занесены... с иных цивилизованных планет. И при этом восхищался: "Посмотрите, какое целомудрие, какая нравственная высота!" И пересказывал эпизод, когда по просьбе любимого сына Хонгора его мать трижды перешагивает через смертельно раненного, со стрелой у сердца Джангара. Стрела не выпала. Если этот ритуал совершает женщина безукоризненно кристальной чистоты, стрела должна была выпасть из раны, а тут она повисает на кончике, но не выпадает. Мать Хонгора пытается понять причину этого:

    "Как-то на следующий год
    После замужества, весной,
    Приключилась беда со мной.
    Делала я кобылицам обход, —
    Помню, был хороший удай. —
    Вдруг один жеребец гнедой
    Матку покрыл. В ту пору еще
    Глупой была я, молодой,
    И на них через плечо
    Страстолюбивый бросила взгляд.
    Вот отчего, быть может, стрела
    Выйти из раны теперь не могла!"

— Вот какова нравственность, если только необдуманно брошенный взгляд есть нарушение целомудрия, чистоты души! — восклицал Семен Липкин.

Я вспомнил о словах поэта, переводчика эпоса, несколько лет назад, будучи в гостях у великого подвижника-художника, философа Святослава Рериха в его доме в городе Бангалоре в Индии.

О возможностях занесения внеземных идей на нашу планету Святослав Николаевич, видимо, думал не раз и сам. Он сказал:

"Вот вы едете на сказочный пляж знаменитого Травандрума. Там поистине прекрасно, это действительно райский уголок. Но я бы на вашем месте поехал на север в Гималаи, где вы можете найти буддийскую пагоду, куда не ступала нога человеческая в течение нескольких веков.

Однажды, — продолжал хозяин, — мне удалось войти в такую пагоду, я был поражен росписями на стенах: в каком-то странном море какие-то странные люди плавали в странных одеждах. И только потом через много лет, когда в газетах появилась фотография первого космонавта Юрия Гагарина, я вспомнил эту картину: и море странное, и одежду странную. И потому меня не удивляет предположение поэта о том, что идеи "Джангара" были занесены с иных цивилизованных планет".

По всей вероятности, ученые правы, полагая, что "Джангар" возник в незапамятные времена и был нужен народу как учитель. Он лишь оформился как законченное произведение примерно 550 лет тому назад, а семя, которое было брошено на почву жизни, дало свои ростки, конечно же, за много веков до этого.

Расставаясь со своим сыном Шовшуром, Джангар говорит: "Помни, мой мальчик, от отца рождается сын, чтобы стать надежной опорой страны!" И дети спасают не только честь своей родины, но и честь своих отцов. И в этом могучее очищающее воздействие народного эпоса. Всякий соприкоснувшийся с "Джангаром" как бы сам входил в орбиту красоты и гармонии, которым единственно и суждено творить мир. Таковы судьбы джангарчи Ээлян Овла и Номто Очирова, который в 1908 году записал от прославленного рапсода десять песен эпоса и сохранил тем самым их для калмыков и мировой культуры.

Я познакомился с Номто в 1958 году, мы с ним одновременно были возвращены в жизнь — с 1925 по 1956 год Номто Очирова арестовывали трижды. Разговаривая с ним, я удивлялся не только его широкой образованности, но и духовной высоте.

Я вообще заметил, что люди большой культуры, даже пройдя через немыслимые испытания, словно обретают новый уровень духовности. Культура, усвоенная ими через книги, университеты, науку, становится как бы исконной, глубоко личной принадлежностью обладателя. Так правда утверждается над неправдой, и правда обретает тот мудрый покой, который не позволяет человеку стать на один уровень со своими мучителями. Ибо возненавидеть их — значит опуститься до их уровня.

Разве не таковы герои калмыцкого эпоса? И не эта ли народная философия и народная нравственность стали основой жизненной философии Номто Очирова, Ээлян Овла, которому тоже приходилось в жизни несладко.

Очирова можно было бы назвать русским интеллигентом и не только потому, что получил образование в Петербургском университете под руководством выдающихся русских ученых. Он, несомненно, был человеком, синтезировавшим в себе обе культуры — калмыцкую и русскую. Не будь этого человека, вряд ли бы сохранился, дошел до нас этот великий памятник. Сколько незаписанных гениальных творений народа исчезло бесследно, ушло в небытие с последним их знатоком, может быть, гениальным!

И еще одна судьба... В 30-х годах А. М. Горький, редактировавший альманах "Творчество народов СССР", предложил молодому поэту Семену Липкину перевести для альманаха одну главу из "Джангара". И кстати сказал ему: "Если же вы сделаете перевод всего эпоса, вы оставите свое имя в истории культуры". В 1940 году впервые эпос был издан на русском языке в замечательном переводе Липкина, и этот перевод стал для "Джангара" проводником эпоса ко многим народам мира.

В те счастливые часы, когда я прикасаюсь к страницам великого творения, я каждый раз открываю для себя совершенно новое и неожиданно вспоминаю то, что приключилось со мной пять веков назад. Говорю это не для красного словца, а передаю то ощущение, которое так волшебным образом удлиняет мою жизнь и дает мне возможность увидеть то, что я никогда не видел: то, что грядет. В такое мгновение кажется мне, что я вхожу в гармонию со Вселенной и Вечностью, душа моя находит покой, желанное умиротворение, мысли моей открывается некая тайна, необъяснимая, но понятная, святящаяся, и почему-то в этот миг я шепчу лермонтовское:

Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

Язык — душа народа

Я начинаю слово о языке издавека. Недавно ушедший из жизни замечательный ученый-биохимик, академик Ю. А. Овчинников в беседе со мной как-то обмолвился, что найден ген (то есть наследственное вещество) речи. Это было удивительно. Я, не будучи ученым, но имея всю жизнь дело с языком, где-то тайно предполагал, что, наверно, все-таки существует нечто, которое было бы присуще только человеку. Душа еще в школьные годы

протестовала, когда наш преподаватель зоологии говорил, что мы произошли от какой-то ветви человекоподобных обезьян.

Речь свойственна только человеку, она зародилась в процессе труда и необходимости общения с себе подобными. Сообщение академика Овчинникова как-то солнечно прояснило этот давний-давний вопрос.

Меня весьма занимают исследования советских ученых, работающих в институте высшей нервной деятельности и нейрофизиологии. Они установили очень любопытный факт. В процессе реанимации, когда к человеку медленно возвращается жизнь, была зафиксирована активность электрического поля в левом лобном полушарии, в секторе речи. Оживает слово — является жизнь. Само слово — это форма существования человеческого разума. Поэтому возрастает его роль, его значение в борьбе за жизнь. Наличие своего языка — один из обязательных признаков любой нации. Без языка нет не только этнической группы, но и самого человека. Когда думаешь об этом, слово становится солнцем, слово начинает обретать космическое звучание, и как бы осязаешь его почти магическое начало и веришь поэту Гумилеву, что словом можно остановить движение планет. Изначальное смысловое значение слова проявляет себя как бы физически.

Мне вспоминается эпизод из раннего детства. В родном хотоне, безусловно, все говорили по-калмыцки. Но если появлялся новый человек, он казался посланцем другого, неведомого и огромного мира. Он вообще был для меня воплощением всех человеческих достоинств — "сян кюн", но самым главным казалось мне умение говорить на русском языке, ибо он был человеком другого мира! И тогда мы с другом-ровесником, ставшим впоследствии журналистом, договорились: "Давай разговаривать по-русски!" Мы весело переключались: "калам-балам", "калам-балам" — и росли в собственных глазах. Нам казалось, мы обладаем некоей тайной, волшебной силой, которая другим недоступна.

Так вот из этой детской игры постепенно вырос осознанный интерес к языку другого народа. Я помню, когда я впервые услышал и понял значение русского слова "хлеб", мой духовный мир намного обогатился. Ибо мы, не запоминая, вполне произвольно понимаем, что означают на родном языке слова "мама", "земля", "трава". Не ощущаем их могущества и прелести, потому что они как бы в твоей крови, словно бы каждое слово — это гемоглобин, несущий по артериям кислород. Значение слова мы ощущаем в другом языке. И когда говорили "хлеб" без наличия материального хлеба, я видел его золотистый цвет, ощущал сытный запах и вкус. Вот какое это великое невыразимое сокровище — слово!

Однажды, просматривая книгу якутского поэта Семена Данилова, подаренную мне автором, я сделал для себя ошеломляющее открытие: оказывается, по-якутски солнце обозначается словом "кюн", а по-калмыцки оно переводится как "человек". Одно и то же по звучанию слово объединяет два таких великих понятия.

Два слова схожи в сокровенной сути,
Как Солнце — Человек!..

Не позабудьте!

Стихотворение дало название очередному сборнику стихов "Равные солнцу".

Я всегда с восхищением и завистью смотрю на тех, кто владеет языками, и чем больше он знает, тем выше в моих глазах. Обратите внимание, что старая русская интеллигенция, получая классическое образование, в совершенстве владела многими европейскими языками. Я недавно прочитал очерк об ученом-естествоиспытателе В. И. Вернадском. Разве это не наша отечественная гордость, когда русский человек читает в Париже, в Сорбоннском университете лекции на французском языке. И именно знание языков дало ему возможность читать произведения многих всемирно выдающихся ученых и философов в подлиннике.

Я всегда с каким-то трепетом, почтением и даже скрытой робостью разговаривал с писательницей Мариэттой Шагинян, потому что она была человеком исключительно образованным, свободно владела английским, французским, немецким и почти всеми славянскими языками. Правда, это ощущение исчезало в процессе беседы, но вначале оно было всегда. Но внезапно роли поменялись! Когда М. С. Шагинян однажды заговорила о "Джангаре" в связи со своими этюдами о Низами, она воскликнула: "Ах, как это прекрасно, что вы владеете языком, несущим в себе такое сокровище!" Она написала глубокое исследование о великом поэте Азербайджана, творившем с конца XII века на фарси, который в те времена был литературным языком таджиков, персов и многих других народов. Так же, как "Джангар", творчество Низами вобрало в себя многовековую культуру Монголии, Индии.

Мне было очень приятно, что русская писательница на память, хотя и в переводе, процитировала известный отрывок о сказочной стране Бумбе: "Счастья и мира вкусила эта страна..." Она говорила, что все вершины поэтических творений народов, как вершины деревьев, разговаривают и с небом, и с землей. Она расспрашивала о "Сокровенном сказании", о трехсоттомных собраниях "Ганджур" и "Данджур", о буддийской философии. И еще она сожалела, что наши ученые так мало обращают внимание на калмыцкий и

вообще на языки монгольской группы, несущие в себе тайны истории, тайны веков. И оттого, что эти тайны существуют, быть может, мы опаздываем к открытию чего-то, что изменило бы сегодня жизнь человечества...

Будучи в Индии, в Дели, я познакомился с прогрессивным деятелем культуры — профессором Локеш Чандра. Издав многие тома древних книг, он тем самым внес практический вклад в сохранение культуры монголоязычных народов и был награжден правительством МНР орденом "Полярного сияния". Он послал через меня в дар калмыцкому народу несколько томов толстых древних книг, которые переданы в университетскую библиотеку.

Заграничные поездки, особенно в страны Востока, всегда навевают на меня серьезные раздумья — об истории, культуре, о языке. В Китае встретил живущих там калмыков — они из числа тех, кто вернулся с ханом Убуши из пределов России назад. Так у них в словаре слова "калмык" нет, а для обозначения своей национальной принадлежности они используют слово "торгут". Живут они в Синьцзян-Уйгурском национальном автономном районе. Занимаются овцеводством.

О приезде советских гостей широко писали газеты Китая. Был известен и состав делегации, то есть, что среди гостей находится калмыцкий поэт. И что вы думаете? Узнали об этом синьцзянские калмыки, приехали издалека, чтобы повидаться. Однажды в Пекине в гостинице меня поджидали двое молодых людей, внешне монгольского типа. Подошли, поздоровались: "Менде!" — я им отвечал: "Менде!". Тогда один из них заплакал и сказал: "Мы думали о вас более 200 лет...". То есть с того времени, как расстались со своими соплеменниками, обретшими свою новую родину на берегах великой русской реки Волги. Весьма примечательно, что оторванные от основной массы народа (вот к ним-то больше всего и подходит первоначальное слово "халмак", то есть отколовшийся), они сберегли свой язык и культуру. Молодые люди привезли в подарок много книг, в том числе пять томов "Джангара", содержащих 50 песен. Оказывается, в сегодняшнем известном нам варианте "Джангар" представляет лишь верхнюю, надводную часть айсберга. Предстоит огромнейшая работа по изучению этнического наследия народа. И здесь, конечно, без культурных контактов и знания языков никак не обойтись.

Недавно в Дели известный индийский писатель Морти убеждал меня в том, что развитие общей культуры в Индии ведет к угасанию ее национальных языков. Язык отстает от уровня развития науки и техники и потому остается только для фольклора. Я, конечно, опровергал его, опираясь на опыт народов СССР, приводил примеры невиданного расцвета культуры союзных республик. Но что-

то во мне отзывалось тревогой, хотя я ее не показал постороннему глазу.

И тут мне хочется сделать скачок во времени и в пространстве — в наш сегодняшний день. Поговорим о состоянии родного языка сегодня. Увы, он звучит гораздо меньше, чем до войны, во времена моего детства и юности.

Никогда не изгладятся из памяти суровые долгие годы заключения, когда я слышал калмыцкую речь лишь во сне. Пробуждение было горьким. Наяву слышишь лишь бесконечное завывание запыленной пурги, которая холодным белым пламенем подавляла теплую мечту о Родине, выраженную словами "бамба" — тюльпан, "тег" — степь, "ээдж" — мама. Вначале я говорил о магии слова, о физически осязаемом восприятии русского слова "хлеб". Так же и там, в суровом Заполярье, родные калмыцкие слова помогали мне преодолеть холод долгой ночи и вселяли неистребимую веру, что все вернется. Если не для тебя, то для других.

Но как бы круг порочный ни смыкался,
Как ночь над нами ни была глуха, —
От правды я своей не отрекался,
Не отступал от своего стиха!..
Не потерял я совести от страха,
Не позабыл природный свой язык,
Под именем буряты иль казаха
Не прятался...
Я был и есть калмык!

(Пер. Ю. Нейман)

Не один я так думал. Для калмыков, оказавшихся в изгнании, родной язык стал символом надежды. Дочь писателя Басанга Дорджиева Данара, сейчас литератор, показала мне однажды книжку с удивительной судьбой. Это была обыкновенная книга для внеклассного чтения на калмыцком языке со стихами и рассказами, очень сильно "зачитанная". Книга оказалась с семьею в ссылке. Ее берегли, как святыню. Дети изучали по ней родной язык, хотя никто не знал, придется ли им пользоваться в открытую. Один взрослый гость, из земляков, увидел эту книгу и стал настойчиво просить девушку, чтобы она дала ее почитать. Данара вначале не хотела расставаться со своим сокровищем, но в конце концов уступила. Правда, на титульном листе она сделала размашистую надпись: книга принадлежит такой-то, просьба возвратить. И представьте, возвратили через много лет. Книга сослужила добрую службу. Переходя из рук в руки, из дома в дом, она укрепляла в людях их национальное самосознание в ссылке.

Я вспоминаю 1956 год, исторический XX съезд КПСС; вспоминаю, как после долгих-долгих лет, после долгой полярной ночи мы обнимались в Элисте со слезами на глазах, произнося, как сладкую песнь — "Менде!" — и не спрашивая, кто откуда, понимая, самое важное — это то, что мы вернулись. Велика была радость возвращения, но горечь невосполнимых утрат давала о себе знать. 13 лет пребывания в ссылке создали своеобразный вакуум вокруг культуры калмыцкого народа. Она задержалась в своем развитии. Образовалась зияющая брешь в языке. Появилось поколение калмыков, не знающих родного языка, и оно рождало "безъязыких" детей. Это было страшно. Я не помню кто, но кто-то из великих людей, убеждая в необходимости восстановления языка жителей острова Пасхи, по существу малочисленных и всеми забытых носителей остатков древнейшей полинезийской культуры, говорил: исчезновение языка одного народа — трагедия для культуры всего человечества, ибо она опускается на неисчислимую единицу в уровне своей высоты.

Но, слава богу, вернулись носители калмыцкого слова, вернулся народ — чабаны, пахари, сказители и поэты. Сохранение языка стало для нас сохранением своего бессмертия. Он обогрел нас, приласкал своими напевами, утихомирил боль исстрадавшихся душ.

Меня тревожит угасание разговорной речи в наши дни. Когда иду по улице, то всегда прислушиваюсь — не из любопытства, о чем, а на каком языке говорят идущие впереди меня калмыки, особенно молодежь. И, представьте, очень часто муж с женой идут и обсуждают свои семейные дела на русском языке. Не скрою: мне в таких случаях больно.

В недавнем прошлом я ездил в совхозы и населенные пункты Кетченеровского и Целинного районов. Встречался с читателями. Выступая на калмыцком языке, я видел на их лицах радостное изумление. Оказывается, они давно не слышали на официальных собраниях родную речь. Ситуация возникла прямо-таки трагикомическая. В поселке Туггун одна пожилая калмычка, в прошлом учительница, воскликнула с удивлением и не без иронии:

— Вы такой большой человек и объясняетесь с нами по-калмыцки. А мы думали, большими людьми становятся только после того, как забывают свой родной язык.

Вот как пронизательно и остро реагирует народ на всякого рода издержки, отклонения от естественных норм поведения.

— Я не помню, — продолжала она, — чтобы кто-то из приезжающих из города начальников говорил с нами на родном языке. Может быть, полученные в институтах знания вытесняют из их головы все свое, природное?

Я смотрел на нее и думал: какая же ты мудрая, добрая женщина.

Да, простой народ мудр, простодушен, и нам, интеллигенции, надо бы получше прислушиваться к его бесхитростным словам. Расскажу еще одну притчу, которую узнал от скульптора Никиты Санджиева. В городе Левокумске Ставропольского края живет небольшая этническая группа туркмен. Никита Амолданович выполнял там какой-то заказ, и целыми днями поблизости вертелись черноголовые ребятишки. Он обратил внимание, что переговариваются они между собой по-своему. Подошел пожилой туркмен, и Никита Амолданович выразил ему свое удивление:

— А у вас разве не так?

— Не так, — чистосердечно признался художник. — Во многих семьях, особенно в городе, разговаривают по-русски.

— Вах-вах, — покачал головой старик. — Значит, много прав жена давал.

Речь, конечно, идет не о возрождении патриархально-байских обычаев. Мудрый старик знает, что грудной ребенок очень рано начинает различать человеческую речь. Недаром говорят: он впитал это с молоком матери. На свете нет учителя мудрее, чем мать. Ну, а если мать в повседневном общении не употребляет родной язык, то откуда ребенку впитывать в себя исконное слово, выражающее, прямо скажем, психический склад нации. Ведь каждый народ не только говорит, но и мыслит на своем языке.

На встречах с читателями мне часто задают вопрос: вы так хорошо говорите по-русски, почему же сразу не пишете на русском языке? Отвечаю: потому что на калмыцком языке мне легче выражать свои мысли. Возникает свой образный строй, свои ассоциации, уходящие корнями в быт народа. А почему, — спрашивают, — вы сами не переводите своих стихов? Отвечаю: потому что рождение стихотворения — это муки творчества, это твое дитя, а одного и того же ребенка дважды родить невозможно.

Впрочем, я писал стихи на русском языке. Это было в Норильске. Я посылал их в городскую газету "Заполярная правда" и посвящал своей будущей жене Алле Григорьевне. Ведь на калмыцком языке я печататься не мог. Да и невеста моя, русская женщина, разделившая со мной тяготы изгнания, не смогла бы узнать то, что я хотел ей сказать. Сейчас эти стихи я включаю в собрание своих сочинений.

Здесь обнаруживается еще один нюанс. Многие калмыки привезли с собой из Сибири русских жен. Они любят их и живут хорошо. Но вот с самого начала упустили нечто важное в общении друг с другом. Там, на чужбине, в смешанных семьях утвердилась русская культура, а переучиваться же было трудно. Пусть простят меня друзья и знакомые, но считаю ненормальным, что в семьях интеллигенции дети не могут понимать язык отцов. Это наше

общее упущение. Хотелось бы, чтобы молодожены, вступая в семейную жизнь, не повторяли прошлых ошибок. Пусть знание языка и культуры друг друга послужит взаимному обогащению.

Сейчас мы от мала до велика, от школьника и до писателя, от рядового чабана до республиканского руководителя озабочены положением, которое сложилось с дальнейшим развитием калмыцкого языка. Реальную угрозу угасания можно предотвратить только практическими делами. Это накладывает особую ответственность на всех работников культуры и искусства: писателей, журналистов, учителей, артистов. Здесь важно, чтобы проводилась конкретная скоординированная система мер по ведомствам. Успешное решение проблемы зависит от всех в целом и каждого в отдельности.

Записала Н. Ипполитова

”Пред солнцем бессмертным ума”

Поэзия Пушкина — это неумирающий, вечно живой глас народа: его земля и небо, свет и воздух, музыка и живопись, седина и юность, любовь и нежность, гроза и цветок — жизнь! Иногда я думаю: как была бы бессмысленно пустынна душа, если бы не было его, если бы 6 июня 1799 года не родился он — человек, как сказал Александр Блок, с веселым именем — ПУШКИН. Это самое главное, что он родился. А 160 лет тому назад он ушел в пространство другого измерения, иную плоскость, иной порядок времени, неведомый нам, и оттуда, вечно живой, смотрит на нас, незримо принимая самое активное участие в нашей жизни.

У меня всегда было ощущение, что Пушкин рядом со мною. Он видит меня более точно и верно, чем я сам себя вижу. Мне казалось иногда, что я где-то могу себя легонечко обмануть, пусть и в мелочах, но его — нет. Обмануть его — равносильно тому, что обмануть себя в главном.

Пушкин близок нам, живущим на пороге нового века, нам, которые самыми лучшими, благороднейшими красками (я не хочу сказать — золотыми, золото слишком скомпрометировано), наносим его имя на транспаранты, с которыми войдем в неведомое, когда откроются врата третьего тысячелетия.

Его имя будет на страницах паспорта нашего времени наряду с именами Толстого, Менделеева, Шевченко, когда мы будем входить в будущее. Я знаю, что так будет, будет третье тысячелетие, потому что в мире есть не только приготовленная для меня, для

всех ядерная погибель, но есть Разум и Солнце, сотворенные поэзией, красотой духа человеческого — и Пушкиным:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Я прошел довольно длинный путь жизни. Могу назвать день, когда переступил порог школы, когда окончил школу, когда умирал и воскресал, но не могу вспомнить, когда услышал впервые имя Пушкина. Мне кажется, что оно было во мне всегда, и оттого, что оно всегда было во мне, я сам чувствую себя вечно живущим на этой земле.

... Я очень рано начал писать стихи, до школы еще, и когда познакомился со стихами Пушкина, наивно увидел в нем поэта-соперника. И надо было дать протечь времени и стать более взрослым, чтобы увидеть Пушкина — далеко впереди, высоко и всюду вокруг недосягаемого и прекрасного!

В том далеком детстве я был великолепно "обманут" Пушкиным: мне казалось, что весь мир заселен в основном русскими и калмыками, ибо как можно было не поверить этому, когда так гордо звучали в моих ушах: "... и друг степей калмык"; "Прощай, любезная калмычка!"; "... желай мне здравия, калмык!"; "... с коня калмыцкого свалюсь" (это Зарецкий в "Евгении Онегине"); "... и вокруг кочующих шатров пасутся овцы калмыков"; "... в очках, в изодранном кафтане, с чулком в руке, седой калмык" (тоже из "Евгения Онегина"), и в "Капитанской дочке" сам Емельян Пугачев был одет в калмыцкую шапку и рассказывал те калмыцкие сказки, которые сам я тогда часто слышал. Все это давало возможность расти чувству гордости в моей детской душе. Но когда позже я узнал, что калмыков всего-то на земле 170 тысяч, разочарования не наступило: истина, внушенная магией поэзии, не померкла, соприкоснувшись с правдой числа, ибо Пушкин доказал, что народ есть не число, а нечто другое, более значительное, более высокое, неизмеримое, и этой неизмеримостью равны все народы.

Никто в мировой литературе до Пушкина не уделял так много внимания и любви сердечной угнетенным народам. В его творчестве мы находим строки о грузинах, башкирах, украинцах, татарах, поляках, калмыках, тунгусах, индейцах, цыганах, черкесах, турках, молдаванах... Можно бы перечисление продолжить — он готов был ринуться в защиту любого угнетенного народа. Он желает быть таким, как Квирига — испанский рыцарь, идущий в бой с насилием. Как Ипсиланти, который готов умереть за свободу. Какие дивные слова сказал Пушкин: "Я русский, сражающийся за свободу Испа-

нии, т. е. я и Квируга. Но я и за восставших греков вместе с Ипсиланти, но я русский и все народы — мои братья, с которыми я буду в минуты их нужды, потому что ложны границы, разделяющие человеческие племена!"

И Пушкин всегда бросался на помощь тем, кто нуждался в нем, даже в грядущее, ибо ложны также границы, разделяющие Добро и Зло одного времени от Добра и Зла другого времени. Несправедливость остается несправедливостью всегда. И Пушкин был опорой, протягивал руку слабым, всегда, не оглядываясь, не убоявшись никого. Я — свидетель тому. Я держал протянутую руку. Когда нашему народу было особенно тяжело, во времена, когда на страницах БСЭ второго издания можно было найти любое слово, но отсутствовало слово "калмык", и этим молчанием энциклопедия утаивала правду. Пушкин на столичной площади в конце Тверского бульвара не лгал, ибо, да простится перефразирование, — гений и ложь — две вещи несовместные (а может быть, ложь тоже злодейство и нет надобности перефразировать?), он не отрекался от своего "глагола": "и друг степей калмык".

Пушкин всегда и всюду поэт для всех: и для того, кто удивляется начертанию буквы под разноцветными рисунками "Сказки о рыбаке и рыбке"; и для той, кто тихо шепчет: "Я вам пишу, чего же боле..."; и для того, кто грустно произносит: "Но поздний жар не остынет — и с жизнью лишь его покинет..." Прочитывая последние строки, М. А. Шолохов устами своего героя (Стрельцова) далее заметит: "Здорово сказано! Да, браток, когда перевалит за пятый десяток, и Пушкина иначе воспринимаешь. Русский человек, читая Пушкина, непременно слезу уронит... В лагерях, когда не спалось, я всегда восстанавливал в памяти Пушкина, Тютчева, Лермонтова... Особенно по ночам, в бессонницу, вспоминались хорошие стихи. И душевная мука отпускала, и слезы были не такими жгучими..."

... И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Пушкин совершенен даже в его незавершенных произведениях. У него нет ни одной лишней строки. Когда я смотрю любимую мной передачу "Очевидное — невероятное" и на экране читаю эпиграф:

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг...

я всегда мысленно дочитываю отсутствующую в эпиграфе пятую строку из этого стихотворения: "И случай, бог изобретатель". Вдумайтесь — какая строка! Сколько заложено в ней! Выше я сказал: нет ни одной лишней строки, но вернее сказать — нет ни одного лишнего слова. Даже зачеркнутые самим поэтом слова оказались необходимы, ибо, расшифровывая их, сколько открытий сделали наши ученые.

Развитие русской, а стало быть, и всемирной (разве можно представить последнюю без Толстого и Достоевского?!) культуры, убежден, зависело от высшей красоты поэзии Пушкина, от того, был бы или не был Пушкин. Ведь высшая красота, красота поэзии, концентрирующей в себе все лучшее человеческого духа, всегда была тем идеалом, к которому стремились люди через бури и невзгоды. Пушкин был поэтом, излучающим свет, но не отражающим чужие лучи. Он был движим долгом и совестью, не входящими в противоречие друг с другом, но служившими единой Истине — Истине того пророка, которому повелено "глаголом жечь сердца людей":

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Эти мужественные, возвышенные строки родил гений Пушкина, а сознание необходимости страдания во имя будущего родило ответные достойные строки:

... Наш скорбный труд не пропадет;
Из искры возгорится пламя...

В мире поэзии появились эти два стихотворения, как два крылатых волшебных коня Истины и Веры, которые мчались сквозь географические расстояния и пространства времени, долетали до страждущих декабристов, до Достоевского и Чернышевского, до Шевченко и Горького и осеняли иные времена и дали, неся в себе и силу, и утешение.

Поэзия Пушкина, как творения Гомера, Леонардо да Винчи, Бетховена, была значительно выше и шире практических забот только своего времени: она, отталкиваясь от берегов XIX столетия, прибавив взрывную силу импульсам, всколыхнувшим волны Сенатской площади и бури грядущих времен, ушла в другие далекие дали, родившие нас, сегодняшних, решая иные нравственно-эстетические задачи, от которых, быть может, зависит судьба нынешнего человечества.

Пушкин всегда в настоящем той частью своей поэзии, которая постигнута нами, и всегда впереди — тем, что в ней мы постигаем, открывая новое для мыслей и чувств. Он, безусловно, ближе и понятнее нам, нежели своим современникам. Прочитав в 1823 году пушкинскую фразу: "Только революционная голова... может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык" — его современники, вероятно, пугливо озирались назад, но Пушкин, быть может, пророчески смотрел вперед — на алые полотнища, развевающиеся от ветров революции, которая грядет через столетие.

Удивительно, но у Пушкина слово "революционная" вызывало те же ассоциации, что рождаются сегодня и у нас, — очищение, обновление, вынос за пределы своего времени всего того, что мешаает движению вперед. Он у всех на виду, он активен и сегодня — незримый, но где-то близко: поощрительно улыбается, если ты совершаешь добрый поступок, и хмурится, если ты, зная, делаешь что-то не так. Нам бывает стыдно перед ним. Порою мне кажется, что мы сегодня живем в особое время — пушкинское, и он был одним из авторов нашей нынешней революционной перестройки, дух которой близок его духу, ибо с высот своей нравственности он видел недопустимость несоответствия между совестью и делами и сам никогда не допускал разрыва между ними. Всей своей жизнью и всем творчеством Пушкин был воплощением истинности изречения мудреца: "Совесть — это честь внутри, а честь — это совесть снаружи".

О, как мы все еще нуждаемся в нем, утоляя жажду духа в его уроках чести и совести, нетерпимости ко лжи, угодничеству, воровству, взяточничеству, лицедейству. Ведь мы, чего греха таить, все еще встречаем вокруг себя людей, у которых не вызывает чувства омерзения анонимщик, строчащий клевету, пойманный расхититель, более того, терпят их еще на постах. Нам и сегодня нужно учиться мужеству Пушкина смотреть на правду прошлого как на правду нынешнюю, добрыми чувствами приближая будущее. Да, Пушкин и сегодня более современен, чем многие из нас.

"Из пламя и света..."

Человек, рождаясь на белый свет, обретает имя, заключенное в оболочку слова. Затем жизнь наполняет эту оболочку деяниями родившегося, и слово, ставшее именем, обретает то содержание, которое или светится, как солнце, или становится никому неведомой пылью серого облака.

Я долго изучал Лермонтовскую энциклопедию, чтобы добраться до истины, которая раскрыла бы мне суть шотландского имени "Лермонт". Но лишь нашел, что в XVI веке выходец из Шотландии стал служить в русской армии и положил начало роду, который через века засиял лучами гения Михаила Лермонтова.

Один из лучших знатоков творчества Лермонтова Ираклий Андроников долгие годы хранил в безвестности свою удивительную концепцию, объясняющую "феномен Лермонтова"... В родословной цепи от Георга Лермонта до Михаила Лермонтова не было ни одной сколько-нибудь выдающейся личности, и гений, который должен был равномерно распределиться на каждое поколение рода, минувя все поколения, воплотился в одном Михаиле Лермонтове. Этим он объяснял такое редчайшее явление, когда в одном индивидууме совмещаются вершины человеческого достижения во всех сферах его деятельности. Их, таких, вобравших в себя вершины, в истории можно перечислить по пальцам: Леонардо да Винчи, Микеланджело, Ломоносов. И Лермонтов. Он мог бы стать гениальным художником — об этом говорят его великолепные картины, написанные карандашом и маслом, вызывающие и сегодня восхищение профессионалов-живописцев. Он мог бы быть гениальным музыкантом — известно, как виртуозно исполнял на скрипке сложнейшее аллегро Мауэра. Он мог бы быть гениальным философом — вспомним его предисловие к "Герою нашего времени". Ну а что мог бы быть гениальным поэтом, он доказал, став им.

И еще Лермонтов был удивительно сложен физически и обладал такой силой, что, наверное, и сегодня смог бы отличиться. Рассказывали, когда развеселившиеся молодые гвардейцы-офицеры на пари взбегали на вершину Машука, — первым оказывался поручик Михаил Лермонтов. Тот самый хилый, болезненный мальчик, которого в десятилетнем возрасте не чаявшая в нем души бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева долгие дни везла на лечение из Тархан на горячие воды Кавказа.

Имя Лермонтова вошло в мою жизнь вместе с именем Пушкина. Он был его продолжением, доказывая, что ошибались враги Пушкина, полагая, что он убит, ибо громоподобное, мятежное стихотворение "Смерть Поэта" сразу же убедило Петербург, Россию, весь мир, что Пушкин — неубиваем и становится с каждым днем могучее, после того как плоть его погребли в Святогорском монастыре, а дух, а гений его как бы переселился в другого, в творца под именем Михаила Лермонтова.

Иногда я думаю, что Лермонтов, если бы даже не написал ни одной строки, кроме стихотворения "Смерть Поэта", — все равно остался бы в истории мировой поэзии. В этом произведении каждая строка как бы высечена из вещества пульсара. Вспомните:

"Погиб Поэт! — невольник чести..." Вдумайтесь в значение каждого из этих четырех слов, произнося каждое из них отдельно: "Погиб"... "Поэт!"... "невольник"... "чести"... Здесь и гибель Поэта так возвышенна, что от нее идет не холод тлена, но жар пылания вольтовой дуги, которая сиянием своим освещает следующее слово и слово "Поэт", равнозначное словам "Творец" и "Бог", обретает силу Повелителя, героя древнегреческого мифа. Но тут же возникшее слово "невольник" — синоним "раба" — обязывает Поэта быть непременно в пределах законов начала высшего порядка души, чтобы быть, а не казаться тем, каким видят его поклонники, чтобы быть не лжецом, не трусом, не отступником, он может и смерть принять.

И тут же возникает конечное слово строки — "честь", которое наполнено не только своим изначальным смыслом, но становится завершающей линией сгущенной идеей, что делает строку как бы строкою из Библии, Корана или сутр Будды. Такую строку, разумеется, может создать только гений. И одна эта строка — живое свидетельство бессмертия Поэта, ибо гениальный Поэт бессмертен, потому что всегда современен, всегда нужен людям. И потому они редки, и потому они всегда с нами, ибо каждый из нас, неся их дух в себе, обретает силу пробиваться сквозь джунгли нашей многотрудной жизни, где со всех сторон подстерегают нас напасты.

Я любил Лермонтова и люблю. Как и Пушкина. И меня раздражает вопрос, который иногда задается при встречах с читателями: "Кто выше, Пушкин или Лермонтов?" Слово бы поэзия — ипподром для скаковых лошадей, где непременно какой-то из скакунов на полголовы опережает другого.

Пятнадцати-шестнадцати лет я стал постигать Лермонтова до такой степени, что половину его стихов знал наизусть. То были страшные годы "ежовщины", "бериевщины", и мы, дети, не то, чтобы догадывались, а почти все понимали. Цвет калмыцкой интеллигенции был истреблен. Мы переживали, мучились, пытались даже сопротивляться. В Москве сейчас живут мои одноклассники, теперь уже пенсионеры: Евгения Косиева, Юрий Лабутин. Есть и в Элисте живые члены "Тайного союза вечных друзей", которые по возможности пытались противостоять несправедливости, творившейся вокруг нас. Мы писали стихи, печатали, тайно жалели "великого Сталина", которого, как нам казалось, обманывали все, ибо он был для нас воплощением добра, и в отчаянии читали громко:

... Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

И вслед за стихами Пушкина непременно читались:

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Пушкин и Лермонтов всегда были в душе моей. Я их переводил. Они были моими учителями во всем. Конечно, я понимал, что не могу быть таким, как они, но я должен быть таким, насколько это возможно. И я старался. Прочитав однажды чудесную азербайджанскую сказку "Ашик Кериб" в переложении Михаила Лермонтова, учась в десятом классе, я перевел ее на калмыцкий язык, издал. И так мне это понравилось, что позже я сам написал несколько книг сказок, прозаических и поэтических, теперь уже переведенных на многие языки.

Пушкин и Лермонтов были всегда с каждым в самые тяжелые минуты, в самую трудную годину. На I Съезде народных депутатов СССР я был приятно удивлен, когда министр обороны СССР генерал Д. Язов признался мне, что во время войны, в перерывах между боями, почти всего "Евгения Онегина" выучил наизусть. И я поверил ему. Пушкин тогда был нужен душе, как снаряд для пушки. И стих Лермонтова, как мщенья обнаженный клинок!

Когда калмыков зимой 1944 года в холодных скотских вагонах вывезли в Сибирь, и я в течение десяти лет перебрасывался из тюрьмы в тюрьму, из лагеря в лагерь, стихами заступившись за свой народ, представив себе, как бы поступили Пушкин и Лермонтов, если бы оказались в моем положении, — я, как тот Стрельцов из "Они сражались за Родину" М. Шолохова, на лагерных нарах барачков ГУЛАГа со слезами шептал стихи любимых поэтов, шептал, как молитву, помните:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых...

О, как я ждал в те годы той благодатной силы "в созвучье слов живых", которая расплавит окаменевшие сердца озверевших вождей! Как я ждал от своих собратьев-стихотворцев нечто вроде "Во глубине сибирских руд", ибо неизменно верил в силу стиха, повторяя:

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

.....
Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

Увы, не слышал я колокольного набата, а клинок, покрытый ржавчиной презренья, так и оставался в тухлой дыре закаленных ножен.

В те невыносимо тяжкие годы я часто согривал себя мечтою о Пушкине и Лермонтове: "Ах, если бы они жили в наше время, как бы они помогли мне!" Но тут же испуганно спохватывался: как я смею думать так! И как хорошо, что они жили не в наше время, ибо с их совестливым, гордым и стойким талантом они были бы обречены на сталинскую пулю в затылок или в лучшем случае на долгие годы лагерей. Судьбы их поэтических потомков — подтверждение тому. Судьбы Есенина и Маяковского. Ведь они в какой-то свой провидческий час, наитием гения прозрев свое грядущее, не дали палачам радости убить себя, но, возвысившись над ними, сами ушли из жизни, на запятив имени своего доносом, позором трусости, службы насильникам. И стали истинными продолжателями Пушкина и Лермонтова.

Нам, привыкшим всегда получать на все вопросы готовые и непререкаемые ответы, безусловно, трудно сейчас, во времена всколыхнувшей нас и мир перестройки, когда воспрянули народы, задыхаясь от нежданно хлынувшего горько-сладкого озона непривычной свободы. Но как поразительно созвучна этой разноречивой, непредсказуемой поре тревожная, открытая, полифоничная поэзия Лермонтова! Рожденная из "пламя и света", она не прячется от бурь жизни, ибо у нее тот "указующий перст", о котором говорил страданиями просветленный Достоевский.

Как нам необходима поэзия Лермонтова, благородством высокого мужества умеющая вглядываться внутрь себя и, увидев там дурно разросшиеся гнойнички, не утаивать, а, как ни больно, говорить только правду.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны,
И перед властью — презренные рабы.

Когда это сказано и о ком, дорогой мой друг? Ах, как много рабского в нас и сегодня, во времена гласности и демократии. Как мы и сегодня останавливаемся на полуслове об истине, движимые не умершими в нас старыми привычками, учуяв чей-то враждебный тон. И от недоговоренности, как нарывы оспы, в разных точках страны вспыхивают распри. Не оттого ли столько будоражащих душу тревожных событий то там, то здесь, то в Узбекистане, то в Таллинне, то в Тбилиси, то в Кишиневе. Ведь мудры мы, ведь знаем мы много — и Руставели в нас, и Лермонтов звучит, и Навои, и Эминеску нас учат, а мы все еще не можем научиться тому, как в ладу жить с соседом. Я с печалью думаю об этом. Но верю, все эти беды наши сегодняшние будут преодолены. Мы найдем Слово, которое дойдет до самого сокровенного в душе каждого из нас, ибо есть юный и мудрый, всепонимающий Лермонтов.

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: "Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?"

Зачем?.. Зачем все это тогда, когда мы только начинаем обрывать облик свободных людей, которые могут желать того, что человек желает себе подобному: хлеба, масла, солнца, мирного неба.

Мир только начинает обретать себя. Человечество уже может быть таким, каким хотели видеть его лучшие сыны. Однажды в продолжительной беседе со мной о Пушкине переводчик "Евгения Онегина" на английский язык, недавно скончавшийся замечательный поэт лорд Чарльз Джонстон говорил о том, с каким вдохновением, с какой радостью он переводил "Мцыри" и какое в нем было удивительное ощущение Пушкина в Лермонтове. Он говорил об их гуманизме, теплом своим обволакивающим всю нашу планету. В беседе с английским поэтом меня восхитило одно его наблюдение, которое совпало с тем, что было уловлено Ираклием Андрониковым лет на десять раньше. Они говорили, что до Гагарина сын человеческий с космической высоты любовался ландшафтом нашей земли — им был Лермонтов.

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял...

И веришь, поэт с помощью Слова вздымается в небо, оттуда разглядывает землю и определяет жизнь на ней, чтобы человеку было лучше. Гений словом вращает миры.

Чувство завтрашнего дня

Долгие годы я пристально слежу за развитием точных и естественных наук. У меня много друзей, знакомых, которые с увлечением просвещают литератора-неспециалиста. И вот когда я думаю о тех поразительных результатах, которых достигли, допустим, генетика и молекулярная биология, расшифровавшая структуру ДНК, не могу вновь и вновь не преклоняться перед человеческим разумом, не отдавать должного его величию.

Как утверждают ученые, "ДНК точно воспроизводится при делении клеток, что обеспечивает в ряду поколений клеток и организмов передачу наследственных признаков и специфических форм обмена веществ". Значит, любая живая клетка несет в себе информацию о прошлом и о будущем, значит, она существовала прежде, уже "зная" о моей будущей руке, моих широких скулах, цвете моих волос. А может быть, подумал я, в ней также заложено и еще нечто, что не могут вычленить самые выдающиеся ученые, — информация духа? Я не исключаю для себя этой возможности.

Был как-то на концерте, где исполнялась "Поэма экстаза" Скрябина — произведение, очень любимое мной. И вот неожиданно начал писать поэму.

... Дирижировала оркестром молодая красивая калмычка, и я вдруг со страхом чувствую, что влюбляюсь в эту женщину. А потом я ее узнаю — да ведь это моя 18-летняя жена, которую я покинул в XII веке на берегах Керулена, когда меня призвал к себе хан. Могучий хан шел завоевывать новые земли, и ему нужен был певец, чтобы восхвалять его подвиги, его величие и мудрость.

Просьба хана страшнее повеления жены. Вот хан завоевывает государство за государством, истребляет народ, другой, третий. Но как ни требует от меня полководец песен — песни у меня не рождаются. Меня плетью стегают, мне сумы с золотом дают — не рождается песня. Много десятков лет скитался я с воинами, и битый, и золотом обласканный, — не рождается песня. Решили тогда, что обо мне соврали, что я и не был певцом. И стал старик для них обузой, и они меня прогнали. Пошел я домой, а когда приблизился к берегам Керулена, почувствовал вдруг, что ноги мои идут быстрее и сам будто становлюсь моложе. Добрался наконец до своего хотона — никто меня не узнал. Спросил о жене

своей — сказали, умерла через год "от тоски по тебе". И вот вдруг тогда неожиданно родилась песня.

Быть может, звуки скрябинской музыки пробудили что-то дремавшее во мне, но оказалось, что поэзия рождается любовью и страданием. И еще чудилось, что я, все клетки тела моего ясно помнят вот то мое душевное состояние, которое было разбужено во мне взрывом музыки.

Есть у меня глубокое внутреннее убеждение, что все это заложено в человеке. Не может быть, чтобы только плоть имела законы своего развития — непременно должны быть такие же законы развития нашего духа. Я вполне ясно понимаю, что такое среда, окружение, общество, как они влияют на формирование человеческой личности. И все же, все же...

Существует некая тайна, вызывающая сложнейшие химические реакции в материи мозга, неподвластные никаким регуляциям, и тайна эта — слово. Оно рождает реакцию не только в веществе мозга, но и в человеческом обществе, движет массы и обладает гигантской силой воздействия. Величайшая эта магия, это волшебство даны всем, кому судьба велела петь, слагать стихи, изображать. Если говорить обо мне, то, взобравшись на вершину своих немалых лет, я ясно вижу, что человек, которому выпала такая доля, как мне, должен был бы обладать гораздо большими способностями. Я говорю это не кокетничая, не желая продемонстрировать свою скромность, а по трезвому размышлению.

Недаром сказано: в начале было Слово. Овладевая чужим языком, мы запоминаем приход каждого слова. Отлично помню, как пришло ко мне первое русское слово "хлеб". Когда его произносили, я чувствовал запах, вкус, видел золотистый цвет корочки. Стихия языка — это целый мир, и в нем слово — сокровище. В те годы при произношении каждого русского слова я замирал, закрыв глаза. Мне виделись яркие картины, я слышал музыку и думал о том, какой я счастливый человек!

В нашем хотоне была учительница, безмерно любившая литературу. Она приучала нас читать наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других великих, читать и зримо представлять все происходящее. Совхозная столовая — ветхое низенькое глинобитное здание с крышей без потолка — по вечерам превращалась в клуб, освещаемый двумя керосиновыми фонарями "летучая мышь". И вот однажды мне, десятилетнему, предстояло выступить перед публикой и прочитать стихотворение о революционере. Там были такие, кажется, строки: "Гудит набат, бежит народ, и тихо улицей идет ко смерти раб приговоренный...". Я дочитал до этих строк, увидел все, понял, что сейчас его казнят, и ...разрыдался. Прибежала Александра Ивановна: "Что с тобой, Давид?" — "Да как же, его ведь повесят!"

Она успокоила меня кое-как и велела прочитать стихотворение снова. И снова все повторилось. На том же месте я зарыдал. Так и не смог себя преодолеть...

Для меня слово таит энергию, ни с чем не сравнимую. Любая энергия иссякает, и лишь энергии слова предела нет!

Когда-то я был дружен с Маршаком, последний год его жизни мы подолгу говорили. Так вот Маршак утверждал, что все величайшие произведения литературы берут начало из фольклора. Он не имел в виду его научное определение, он подразумевал народное начало. И в этом смысле его слова были справедливы в отношении "Фауста", "Дон Кихота", "Кола Брюньона", произведений Гоголя, Толстого, Достоевского...

Народное начало, фольклор... Как писал выдающийся японский поэт XVII века Басё:

Вот исток, вот начало
Всего поэтического
искусства!
Песня посадки риса.

Калмыцкий фольклор своеобразен и интересен — не случайно академик Владимирцов назвал Калмыкию второй родиной сказок после Индии. Наш народ имел большую древнюю культуру, и письменность его корнями уходила к арамейской, "Рамаяна" — великий эпос Индии — была переведена на калмыцкий язык еще в XVII веке. Но с исчезновением грамотных людей возникла угроза исчезновения письменной литературы. И тогда книги стали переходить в память народа. Так произошло с "Панчатантрой", "Дхаммападой", "Волшебным мертвецом"... И сюжеты "Рамаяны" также перешли в фольклор. Происходило удивительное явление — даже знания из области медицины и других наук народ старался закодировать, "вогнать" в символы, оставить в фольклоре и таким образом передать последующим поколениям. Например, читая в русском переводе калмыцкий эпос "Джангар", известный спортсмен, отец самбо Анатолий Харлампиев обнаружил спрятанное в тексте большое количество неизвестных дотоле болевых приемов.

А сколько еще символов, знаков, истин из области других знаний может встретить заинтересованный человек и в этом эпосе, и в других произведениях устного народного творчества! О фольклоре калмыков писали Пушкин, Гоголь, Писемский, многие другие выдающиеся деятели русской культуры. Они интересовались судьбой народа, его опытом и мудростью.

Мои коллеги-писатели — С. Каляев, Л. Инджиев, К. Эрендженев — успешно, плодотворно использовали фольклор в своем творчестве, чего не могу сказать о более молодых собратьях.

Каким должен быть писатель? Мне легко размышлять об этом, обращаясь к образам моих ушедших друзей. Пришла пора, когда все чаще вспоминаются строки Тютчева: "Кто смеет молвить до свиданья чрез бездну двух или трех дней?" Эта бездна двух-трех дней теперь уже нависла над людьми моего возраста. Уходят мои друзья — Орлов, Луконин, ушел Наровчатов. Мог бы перечислять и перечислять... Сейчас порой слышу у странные разговоры — будто они своими произведениями создали нечто вроде глины, из которой будущие великие писатели "спелят" великие творения. Но это же абсурдные размышления! Разве заменят грядущие, пусть и чрезвычайно одаренные поэты тех, кто прошел в юности под свинцовым дождем, пережил вместе с народом все тяготы страшной войны и встретил Победу?

Как можно принижать сделанное ушедшими и ныне здравствующими поэтами этого поколения, противопоставляя их поколениям грядущим? У них свой голос, своя неповторимая интонация, будь то Гудзенко, Наровчатов или Симонов. Разве не стало еще при жизни классическим его "Жди меня..."?

О Константине Михайловиче Симонове мне хотелось бы сказать здесь особо. Это была яркая личность, привлекавшая всех, кому довелось быть в дружбе с поэтом или просто попасть в его орбиту. Симонов всегда был занят, его время расписано буквально по минутам, он успевал делать тысячи дел, но казалось, что еще десятки тысяч дел ожидают его. И все же он находил время для общения с людьми, считал возможным приехать в гости в Элисту, а потом на машине мчаться в Волгоград для того, чтобы вести юбилейный вечер, когда Луконину исполнилось 50 лет. Симонов всегда помнил о законах братства, и эти законы были для него важнее всего.

... Война, как ничто иное, определила, выявила сущность каждого — в том числе и того, кто был рожден, чтобы стать писателем. Фронтовое поколение не кончилось с Победой, оно продолжает действовать и создавать. Иной может сорок лет кричать, что он в любую минуту готов умереть за идею, а минута настанет — и вдруг крикун повернется спиной. Так тоже бывало. Тем ценнее для всех живущих люди, вышедшие из боев и несущие груз тягот и радость, неповторимую радость тех лет, воплощающие пережитое в строки поэм и стихов. Так давайте же будем к ним бережны!

Тема борьбы за мир — одна из важнейших в творчестве советских литераторов всех поколений. Не случайно через все творчество М. Дудина как бы рефреном проходит напоминание: "Берегите землю, берегите!". Не случайно С. Орлов говорил сердито, что кто-то, верно называя наше поколение военным, неверно утверждает, будто мы рождены войной. Война не рождает, а убивает поэтов, ее

пули, из геопространства переходя в пространство времени, все еще настигают солдат. Так говорил С. Орлов и своей кончиной как бы подтвердил эти слова. Мои побратимы по войне М. Луконин и С. Наровчатов вели войну с войной до последнего дыхания. Мы, живые, продолжаем их дело.

Я получил удовлетворение, прочитав письмо мэра города Хиросимы господина Такэси Араки, в котором он благодарил за поэму "Бунт разума", по его словам, "помогающую в борьбе за мир". Да, в эту поэму я стремился вложить боль человека, прошедшего войну и всеми силами души пытающегося сделать так, чтобы она не повторилась.

Книги К. Симонова и С. Смирнова, О. Гончара и В. Быкова, А. Адамовича и Д. Гранина, М. Алексеева, В. Кожевникова, А. Нурпеисова — я мог бы продолжить этот список — действуют на читателя с силой свидетельства очевидца, с силой постижения всей страшной сути войны. Вот почему тема борьбы за мир естественна в литературе так же, как естественно сопротивление живого организма всему, что несет смерть.

Мой учитель — классик калмыцкой литературы Б. Басангов говорил: "Давид, надо всегда робеть. Ты не бери пример с этих смелых, которые считают, что рифма запросто берется, что ритм приходит сам по себе. Ты к литературе должен относиться так, как влюбленные относятся к женщине. Они всегда робеют..."

Талант — это редкость. Но часто произносятся эти слова, мы тут же чуть ли не берем обязательство непременно и в кратчайшие сроки отыскать талант. Истинные таланты подобны высоким лесным деревьям. Лес, однако, не состоит из одних лишь вершин. Если вынести даже самое высокое дерево в степь, оно не покажется таким уж огромным — сравнить-то не с чем. А лес прекрасен именно воздухом, шумом леса, тем таинственным, что овладевает тобой, когда ты вступаешь под лесные своды. Лес простирается ввысь и вглубь, и каждое деревце, каждый кустик выдыхает кислород и помогает жить и дышать.

Как и все писатели, я получаю довольно много писем. Среди них есть немало интересных и поучительных. Однажды пришло письмо, на котором был адрес не Элисты, где я живу, а написано было так: хотон Абганер Гаханкин Большедербетовского улуса... То есть по времени письмо ушло на полвека назад. Теперь не существует хотона, где я родился, — видимо, моя читательница воспользовалась биографическими сведениями из моей книжки, давно вышедшей в "Библиотеке "Огонек". А потом я подумал: каждый человек оставляет след в каждом прожитом году, и это письмо, дойдя до точки во времени, когда существовал этот хотон, пошло по ступенькам моих лет, по содеянному мной в жизни и нашло все-таки меня.

Когда я встречаюсь с нашими молодыми писателями, они порой смотрят на меня, как на чудака, зная о том, что я много времени трачу на чтение научных журналов, книг по философии, "вместо того, чтобы писать".

Человечество мне иногда напоминает золотоискателей, которые варварски оставляли целые слои драгоценных металлов, беря только то, что лежит на поверхности. Когда я спрашиваю моего молодого коллегу, читал ли он Этьена де Ла Бозси, — встречаю или недоуменный взгляд, или пожатие плечами, а между тем это автор изумительной книги, названной "Рассуждение о добровольном рабстве". Это была любимая книга К. Маркса, настольная книга Л. Толстого (он даже перевел главы из нее и включил их в "Круг чтения"). М. Монтень в своих "Опытах" посвятил Э. де Ла Бозси главу "О дружбе".

Только разум может спасти человечество от грозящей ему катастрофы. Кроме того, мне кажется, многие беды многих людей происходят вот отчего: все прекрасно усваивают то, что можно, но не очень отчетливо представляют чего нельзя, чего не должен делать благородный человек, совестливый человек, порядочный человек. Неусвоившие эти элементарные требования потом пытаются диктовать свои законы нравственности, морали, и тогда начинается трагедия — человек вступает в конфликт с обществом, полагая, что общество до него не доросло, тогда как на самом деле все обстоит наоборот. Одну из ролей литературы я вижу в том, чтобы помочь человеку стать лучше, научить его более критически смотреть на себя, на свои поступки и желания, быть душевнее к окружающему, живому и неживому миру.

А проблем у литературы, в том числе у моей родной калмыцкой, великое множество. Вот, например, факт из реальной жизни: пока мы слагали оды и восторженные стихи о покорении человеком природы, движущиеся пески в наших степях отняли огромные плодородные пространства. Эрозия почвы. Гибель травяного покрова. А почему? Потому что на степные просторы выпускалось значительно больше голов скота, чем степь могла прокормить.

Еще одна проблема — среди наших пастухов почти не осталось представителей коренной национальности. Мы не сумели внушить молодежи уважение к древнейшей профессии, той, что являлась главным делом их предков. Конечно, это вина далеко не только литераторов, но и их в немалой степени.

Считаю себя счастливым человеком. У меня есть любимая женщина, друзья. Грешно жаловаться, хоть судьба не баловала.

Не помню, когда начал писать стихи, а напечатал первые в 12 лет. В 17 вышла первая книга, а в 18 был принят в Союз писателей. Тогда вступать в союз было значительно сложнее, чем теперь, —

по уставу литератор несколько лет мог считаться кандидатом в члены союза. А мне повезло — вернее, не повезло, а так получилось, что мои стихи, переведенные на русский язык, заметил А. Фадеев. Заметил творчество, по существу, юноши (мне ведь тогда было восемнадцать), поддержал при вступлении в союз. Я никогда не забуду его внимания и благодарен ему так же, как и многие тогда молодые литераторы.

Русский язык дал мне много друзей во всей стране. В 1940 году Калмыкия праздновала 500-летие нашего великого эпоса "Джангар". Приехали к нам виднейшие писатели во главе с А. Фадеевым. Здесь-то мы и познакомились, а затем и подружились с Кайсыном Кулиевым. Прошли Отечественную войну, и дальше судьбы сложились сходно, и мы оба никогда не покривили друг перед другом душой.

Русский язык дал мне Михаила Дудина. Его "Соловьи", напечатанные в 1942 году, вдохновляли солдат. Аркадий Кулешов — выдающийся поэт — был моим большим другом. Сколько бессонных ночей провели мы в разговорах, чтении стихов! Я хочу назвать имена своих дорогих друзей Расула Гамзатова, Алима Кешокова, Мустая Карима — их тоже дал мне русский язык. Я мог бы продолжить перечень имен своих друзей, но полосы газетной не хватило бы на это, ибо сказано: "Одного врага — много, тысячи друзей — мало". И я благодарю судьбу за то, что она дала мне счастье жить и творить для людей, в том числе и для моих близких друзей:

Проходят дни, зовут меня вперед,
А сами остаются за спиной.
Как будто умирают там, за мной...
Хоть каждый день минувший, каждый год
В сегодняшнем отобразился дне, —
Но прошлое уж неподвластно мне.

Дни умирают позади меня,
Рождая чувство завтрашнего дня,
Которым я наполнен до краев
(Не в нем ли смысл и радость бытия?),
То "завтра", над которым властен я.
То чувство, без которого я мертв.

(Перевод Ю. Нейман)

Литература — это ковчег, сотворенный из вещества таланта нашим трудом, несущий на себе все нетленное, неистребимое в нас — совесть, свободу, идеалы, дух — в завтра.

Давид Кугультинов. 1928 г.

Д. Кугультинов — выпускник средней школы № 1 г. Элисты. 1939 г.

КӨГЛТИН ДАВА

БАГЪ НАСНА
ШҮЛГҮД

ХАЛЬМГ ГОСИЗДАТ
ЭЛСТ-1940

Первый сборник "Стихи юности". 1940 г.

Б. Б. Городовиков и Д. Н. Кугультинов.
1960 г.

Инициативная группа по восстановлению Калмыцкой АССР. В центре руководитель группы — О. И. Городовиков. Д. Кугультинов — крайний справа в первом ряду. Москва, осень 1956 г.

Д. Кугультинов на I съезде писателей РСФСР читает М. Шолохову стихотворение "Дайте, дайте первую удачу..." Москва, декабрь 1958 г.

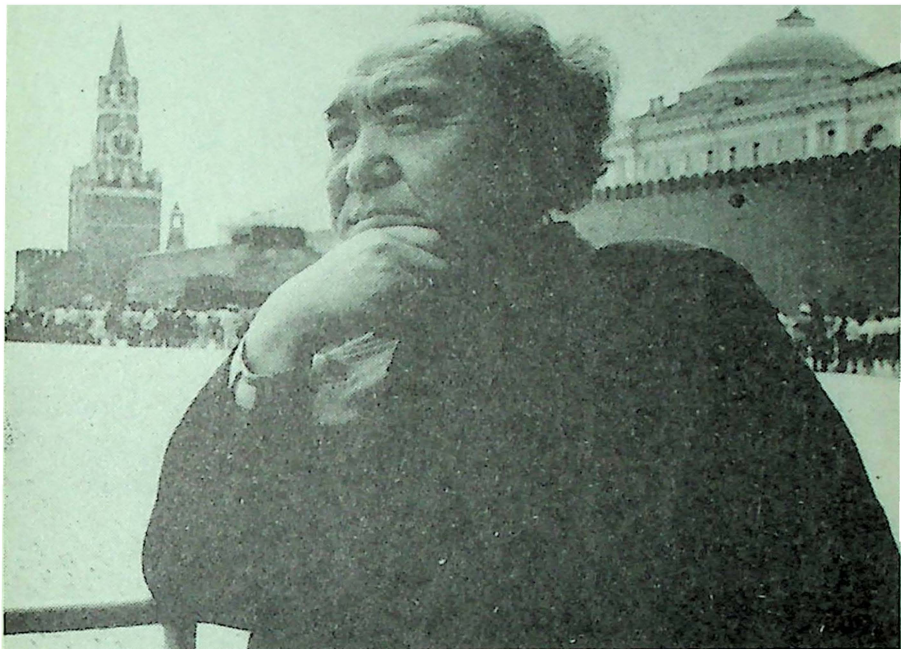

Встреча однополчан. Д. Кугультинов и зам. редактора дивизионной газеты "Боевая Краснознаменная", поэт Сергей Тельканов. Владивосток, 1975 г.

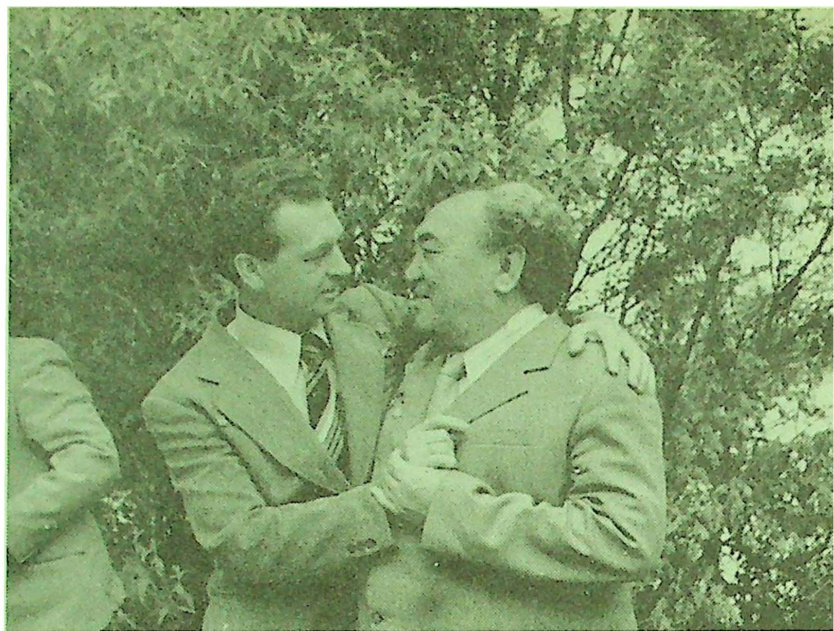
◁ Д. Кугультинов, Б. Дорджиев, А. Кичиков. Идет обсуждение поэмы "Сар-Герел". Элиста, 1963 г.

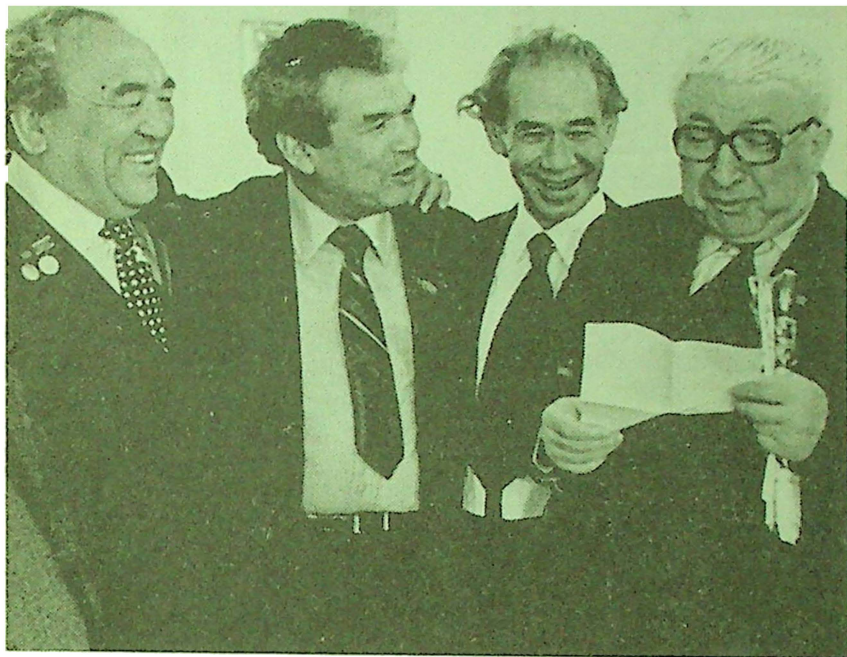
Ярослав Смеляков и Давид Кугультинов во время Дней российской литературы в Калмыкии. Элиста, май 1968 г.

М. Шагинян, А. Безыменский поздравляют Д. Кугультинова с 50-летием на юбилейном вечере в ЦДЛ (Москва). 14 марта 1972 г.

На Красной площади.
Москва, 1976 г.

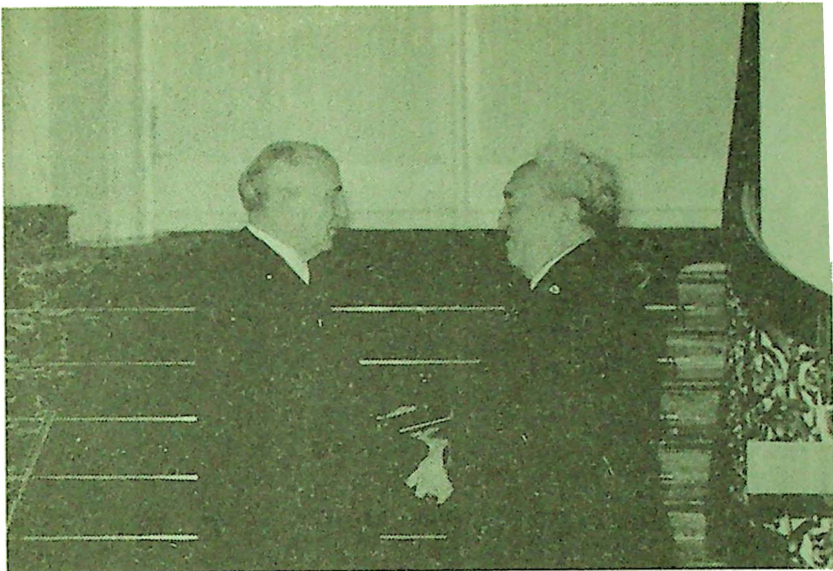

Д. Кугультинов, М. Карим, Шукрулло,
Р. Гамзатов. Июнь 1981 г.

Летчик-космонавт СССР В. И. Севастьянов на калмыцкой земле. 1977 г.

М. Дудин, Д. Кугультинов на встрече с читателями г. Норильска. Февраль 1977 г.

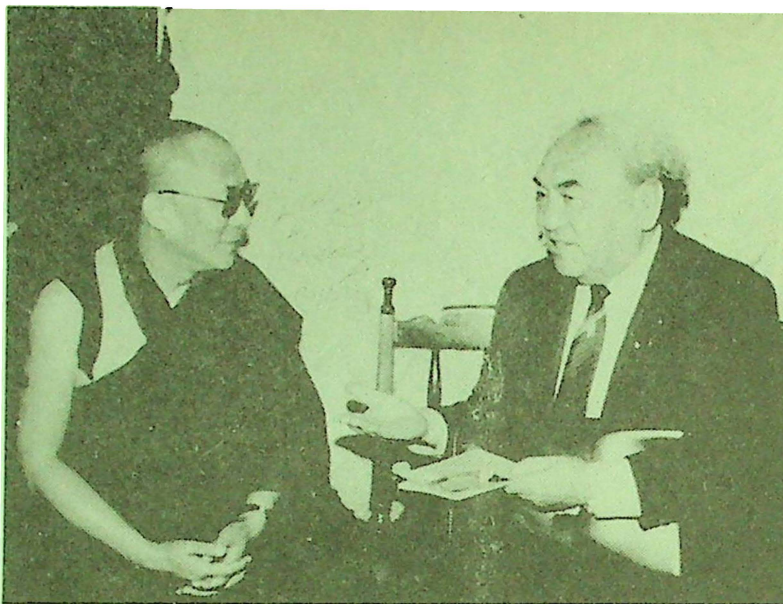

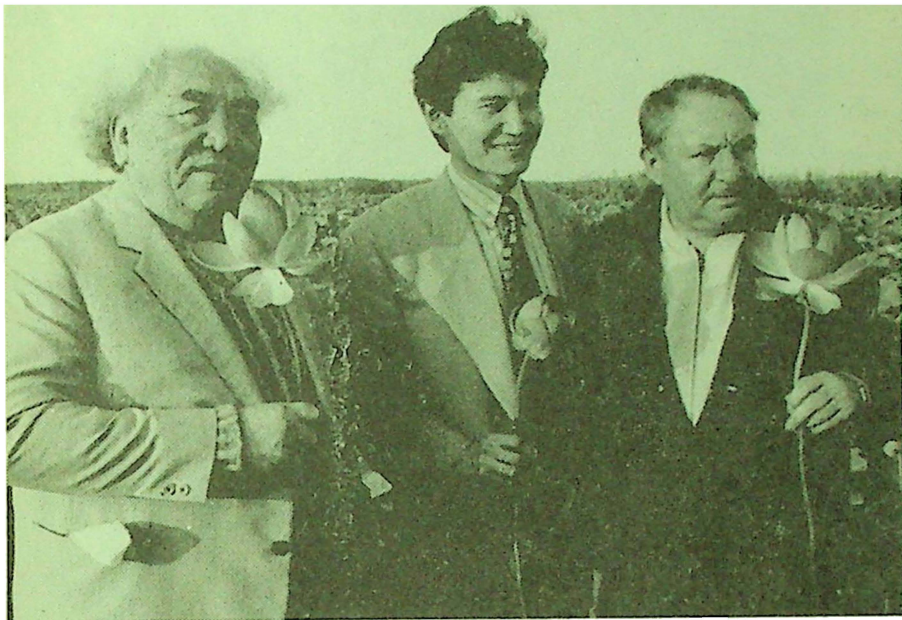

Президент СССР М. С. Горбачев вручает Д. Кугультинову Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Москва, Кремль. 1990 г.

В. Быков, Д. Кугультинов, Шукрулло, О. Гончар на VII съезде писателей СССР. 1981 г.

Д. Кугультинов и поэт-переводчик Ю. Нейман на творческом вечере в Центральном Доме Советской Армии. Москва, 27 марта 1982 г.

Д. Н. Кугультинов, Президент Республики Калмыкия К. Н. Илюмжинов, скульптор Э. И. Неизвестный. Астраханский заповедник. 1994 г.

Встреча с Далай-ламой XIV в г. Москве.
1991 г.

Бямбсурен (МНР), Д. Кугультинов,
Д. Буржинов (США) в Улан-Баторе (МНР).
Сентябрь 1992 г.

Президент РК К. Илюмжинов, Верховный Муфтий Азербайджана и Д. Кугультинов в дни подписания Договора между Азербайджаном и Калмыкией. Баку, 1996 г.

Г. Алиев, Д. Кугультинов, А. Акаев на юбилейных торжествах, посвященных 1000-летию эпоса "Манас". г. Бишкек, 1995 г.

Выступление на I съезде народных депутатов СССР 6 июня 1989 г.

Дорогие товарищи! Хотя Фридрих Энгельс обращался к случаю почтительно — "его величество", но все-таки удивителен сам по себе случай. Я калмык. Сегодня 6 июня 1989 года. Вся страна, весь мир отмечают 190-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Я тот, к которому он когда-то воззвал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык. (*Аплодисменты*).

Что такое гений? Бог, пророк, провидец? Но как он мог провидеть, что в день 190-летия его рождения я, калмык, на первом Съезде народных депутатов великой державы буду приветствовать его и всех, кто является — я в этом убежден — наследниками его духа! (*Аплодисменты*).

Когда Пушкин говорил "и друг степей калмык", он названия народов подбирал не потому, что нужна была ему рифма к слову "язык". Для Пушкина на составляло труда найти рифму к любому слову. Но Пушкин назвал эти малые народы, уравнивая их со всеми. И если бы Пушкин сидел в президиуме нашего Съезда, ей-богу, первому бы он дал слово не представителю великого русского народа, потому что великий русский народ не нуждается в такой помощи, как допустим, нивх, юкагир или калмык, — он вызвал бы к трибуне Рытхэу или еще кого-либо из поэтов малочисленных народов.

Удивителен был Пушкин. В нем сосредоточено все благородство великого русского народа, который создавал свое государство изначально как государство многонациональное, и опыт межнациональных отношений, накопленный Россией, — уникальный опыт, которого нет нигде, ни у какого народа, ни у какой державы в мире, — к сожалению, был перечеркнут наркомом национальностей, "великим" знатоком "национальных вопросов", "отцом народов" Сталиным. Велик опыт России, которая с помощью всех народов выдерживала великие войны, побеждала и Карла: в 1709 году

калмыки вместе с казахами чуть в плен не взяли самого Мазепу и Карла XII, а в 1812 году калмыцкая конница и верблюжий полк входили в Париж. Башкиры, черкесы, все народы представляли себя в Отечестве едином, и Россия для них всех была и Отечеством, и матерью. Но как же так случилось сейчас, что мы с этой трибуны говорим о настоящих, а не выдуманных бедах? У меня сердце обливается кровью, болит душа моя, когда мы говорим о Нагорном Карабахе, когда мы говорим об азербайджанцах, когда мы говорим о турках. У меня душа болит, и я не знаю, как, когда, в кои времена все это так сложилось.

Дорогие товарищи, ведь это вопрос вопросов. И я знаю, что эти вопросы вылились, как гнойник открывается, вот именно сейчас, в наши дни — дни великого Съезда, действительно исторического Съезда. Вот в эти дни я смотрел и думал: да, Съезд, первый Съезд народных депутатов войдет в историю. Даже чувствовал присутствие великих деятелей истории. Вот где-то там сидит, на мой взгляд, Петр Первый, смотрит довольный и говорит: "Молодцы потомки, по моему велению выступают — не по писаному, и каждого видно, кто он есть". Направо гляжу: Владимир Ильич Ленин на ступеньках с блокнотом своим слушает с тревогой, слушает с болью о нас и говорит: "Да как же это так, что нет мыла? Да как же это так, что нет спичек? Сколько лет прошло?" А ему говорят: Восемьдесят девятый год нынче". И Ленин думает: "Что же случилось, почему это так, ведь я учил их не этому. Как так случилось?" И мне кажется, в ужас его привела мысль о его ошибке. Я слышал об ошибке Ленина, когда мне было 23 года, — в том юном возрасте, когда слова "Ленин" и "ошибка", "Сталин" и "плохо" приводили человека в мистический ужас. Но потом в камерах тюремных, на пересылках, в лагерях от старых ленинцев-большевиков я слышал снова и снова. Я понимал: да, Ленин допустил ошибку, и его ошибка заключалась вот в чем. Об этом я думал, сидя в этом зале в первые два-три дня, до выборов Председателя Верховного Совета. Его ошибка заключалась в том, как говорили мне старые большевики, что Ленин, отдав себя работе в Совнаркоме, все остальное поручил Сталину, и Сталин за два-три года так сосредоточил власть в своих руках, что и записка Ленина о любителе острых блюд, о необходимости его переместить уже не возымела действия на известный съезд, и сталинщина, воцарившаяся в нашей стране, привела ко всем тем бедам, которые мы и сегодня не можем решить. Вот такая была ошибка. Я боялся сейчас, в наш переломный период, когда мы решаем, каким быть нашему государству, — а вдруг мы соблазнимся красотами демократии, вдруг увлекут нас пышными словами и скажут: "Товарищ Горбачев, занимайся Советами! Товарищ (не

знаю кто), занимайся партией!" И вдруг потом что-то опять бы случилось?

Я, прошедший Великую Отечественную войну, я, прошедший тюрьмы и лагеря, я — седой калмык, народ которого уничтожался, вовсе не намерен здесь льстить Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Но действительно — как бы нам ни было горько, как бы нам ни было стыдно, — другого, как он, лидера сейчас не только в нашей стране, но и во всем мире нет. И вот почему. Когда объявили результаты голосования, когда 96 процентов отдали свой голос за Михаила Сергеевича Горбачева, честное слово, мне хотелось каждого из вас обнять, поцеловать, попросить прощения, что, может быть, я чуть-чуть плохо думал о вас. Оказывается, 96 процентов — мои единомышленники, мои братья, 96 процентов нашего Съезда движимы одной целью, одной великой задачей: сделать бы нашу страну богатой, сделать бы наш народ счастливым. Наверное, это чувство было у каждого из вас, когда объявили результаты голосования. 96 процентов — это означает: за каждым из нас — сотни, сотни тысяч избирателей. Это означает, что весь наш советский народ за перестройку.

Дорогие товарищи! Я сказал о своем народе, который восстанавлен, восстановлена Калмыцкая АССР, но я хочу здесь сказать о других народах, которые еще не вернулись. Я оставил на месте портфель, набитый телеграммами от крымских татар, от немцев республики Поволжья, от турок, которые были сосланы с южных границ Грузии, от многих народов, которые со слезами, плачем обращаются к сердцу каждого из нас, каждого депутата, чтобы мы не были равнодушны, чтобы мы, когда говорим о равенстве всех народов, когда мы говорим о братстве всех народов, вспоминали и о тех, от кого нет представителей на этом Съезде, о тех народах, чья земля еще не возвращена, о тех народах, которые Сталин обрек на долгие годы горя, на долгие годы жизни в положении народов второго сорта. В Советской стране, социалистической стране, стране коммунистов не должно быть такого положения, когда кто-то в силу разреза своих глаз, в силу цвета своих волос — не тот, другого сорта! Не должно этого быть! И я хочу внести предложение, чтобы мы уже на этом съезде какое-то дело сделали. Нам надо принять закон о восстановлении Крымской автономии. Нам надо принять закон о восстановлении республики немцев Поволжья. Надо принять закон, который дал бы каждому из них крылья, и на этих крыльях они бы завтра незримо присутствовали на этом Съезде и аплодировали каждому из нас, говоря: "Да, каждый депутат — человек с душой, понимает горе другого, понимает правду другого". (Аплодисменты).

Я хочу внести предложение, чтобы на этом Съезде мы приняли

закон, по которому ни один народ в нашей стране никогда не подвергался бы таким акциям, каким подверг их Сталин. Закон надо принять о правах народов. Я не знаю, как юристы сформулируют это, но и совесть наша сформулирует эти законы и сделает из нашей страны страну действительно образцовой дружбы всех народов!

Несколько слов о Калмыкии. Так много хорошего сказал Пушкин. Мы счастливы, помните Пушкина: "Прощай, любезная калмычка!" Помните? (*Оживление в зале*).

... Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей...

А эта любезная калмычка сегодня со своим ребятенком на Соколиной горе со СПИДом мучается, звонит. Вся наша делегация посетила вчера эту единственную в Москве больницу, где лечат от СПИДа. И мы удивились убогости этой больницы. Ведь это же обшарпанная, второсортная больница, которая должна вести борьбу с чумой человечества — СПИДом. Это ужасно. Я недавно вернулся из Соединенных Штатов Америки, я видел, как там борются со СПИДом, и хочу призвать всех вас обратить внимание на это. Конечно, я понимаю: регламент, но когда я говорю о СПИДе детей, о больных СПИДом матерях и раздаются голоса депутатов "хватит", мне как-то неловко. Спасибо. (*Аплодисменты*).

Выступление на XXVIII съезде КПСС 6 июля 1990 г.

Дорогие товарищи! Если бы положение в нашей стране могло быть иным, чем отражено в Политическом отчете Михаила Сергеевича Горбачева, я бы присоединил свой голос к тем гневным голосам, которые раздавались с этой трибуны. Но вся трагедия наша заключается в том, что мы были обречены на это положение. Иным на сегодняшний день положение страны быть не могло. Почему? В стране, где кибернетика была объявлена лженаукой, где мы и сегодня не имеем тех компьютеров, на которых работают дети индейцев в штате Вашингтон, в стране, где великая наука сейчас двигает развитие человечества без кибернетики, могли ли мы иметь иную промышленность, чем ту, которая сейчас нас

отличает от стран "цивилизованных", как мы стыдливо называем капиталистические страны?

В стране, где великая наука генетика была объявлена лженаукой, была изгнана, могло ли быть сельское хозяйство иным, чем сегодня? Не могло быть иным. И оно — результат изгнания, уничтожения науки. В стране, где свободные мысли находились под пятой диктатуры, подавлялась возможность появления свободной мысли, иные носители этих мыслей убивались, другие гнили в лагерях, третьи находились в подполье. Могло ли в этой стране положение быть иным, чем оно есть сегодня? Не могло быть иным. И великая заслуга партии нашей, великая заслуга перестройки заключается в том, что мы признали это, мы сказали, что это так. А помните, как говорил Маркс: раб, осознавший, что он раб, уже не раб. Когда говорят с этой трибуны о том, что за это пятилетие допущены такие-то, такие-то ошибки, я думаю: да, допущены. Но когда пытаются обвинять врача в том, что он поставил диагноз болезни, товарищи, тут большая ошибка. Ведь нынешнее положение возникло не сегодня, оно рождалось десятилетиями. Сегодня, на нашем первом съезде (это первый партийный съезд), на котором так открыто, свободно, мужественно говорили ораторы, средний возраст которых 46 лет, ораторы, средний возраст которых в 1985 году был 40 лет. Я хотел бы спросить у них: до 1985 года, когда они обрели уже возраст самостоятельный, взрослых людей, видя все, что творится в стране, зная, что делается в стране, смели ли они говорить те слова, которые произносили сегодня, вчера, в эти дни с этой трибуны? Не смели, давайте будем самокритичными. Все мы с вами были трусами, все мы с вами сидели молча и давали оценки на всех партийных съездах стоя, продолжительными, громкими аплодисментами, подбирая слова для оды и страшно мучаясь, когда недоставало этих слов для похвал. А сегодня это первый съезд — XXVIII, — который не называют историческим. Все остальные съезды были историческими. Я думаю, что этот съезд именно войдет в историю как исторический съезд, а все остальные будут историческими в кавычках.

Тогда, когда в стране нет свободной мысли, когда нравственность пала до такой степени, что страшно об этом говорить, когда поощрялся донос сына на отца, когда каждый изыскивал возможность пожить за счет другого легче, не работая самому, да разве могло быть у нас иное положение, чем то, которое раскрыто в докладе Михаила Сергеевича Горбачева?

Вы знаете, я с большим удовольствием вместе с вами слушал

выступления секретарей ЦК компартий республик Прибалтики. Когда товарищ Швед делился опытом с нами, что нам делать в случае, если со всеми получится то же, что получилось с Литвой. И мы, я слышал, аплодировали, аплодировали партии, проигравшей власть. Будем говорить честно и откровенно.

Да, да. Мы сейчас находимся в таком положении, когда надо быть смелыми и говорить правду. Мы и сейчас боимся этой правды. Посмотрите, что делается за стенами Кремля, посмотрите, что делается у нас в глубинке, в стране нашей, какую блестящую речь произнес сейчас передо мной мой коллега товарищ Максимов, писатель из Смоленска. Ведь плакать надо, плакать, а мы аплодируем! Плакать надо, а мы радуемся тому, что хуже, чем в Эфиопии, в глубинке смоленской.

Я думаю, что диагноз, поставленный врачом, всегда ведет к тому, что болезнь будет лечиться. Во всяком случае, чтобы вылечить болезнь, надо поставить диагноз. И таким врачом оказалась для нашей страны перестройка.

С этой трибуны дают оценки Политбюро, Центральному Комитету, как ученикам первого класса. Я был делегатом последнего Всесоюзного съезда учителей. Там министр товарищ Ягодин сказал, что надо бы нам прекратить давать оценки за поведение ученикам, ибо мы этой оценкой выражаем послушных голосовальщиков, которые всегда будут голосовать "за". И вот, подобно учителям, мы ставим оценки — "уд", "неуд". Ведь на всех прежних съездах оценки не давались — потому что мы с вами партия и есть. Не ЦК, не Политбюро, а вся партия, все мы, и оценивать самих себя "уд" и "неуд" просто неприлично.

Я считаю, что XXVIII съезд партии отдаст должное культуре, ибо падение культуры на один градус опаснее повышения или понижения на один градус температуры Мирового океана. Ученые говорят: если поднимется температура на один градус в Мировом океане — будет потоп всемирный. Падение культуры, уровня нравственности на один процент влечет за собой трагедию еще большую, чем падение температуры Мирового океана.

Но когда на культуру на душу населения дается три копейки в год — чего же вы хотите? Я не удивился, когда в нашем зале раздались среди делегатов съезда свист, топот, захлопывание. Чего же требовать, если мы даже на нашего делегата три копейки на культуру тратим в год?

Я уверен, если мы не обратим самое большое внимание на нравственное состояние народа — никакие наши решения ни к чему доброму не приведут, ибо без совести сделать что-нибудь

совестливое (а труд — это совесть) невозможно. Потому, я думаю, что главная работа партии будет заключаться в том, чтобы мы овладели душами людей, душами всех народов.

Тут многие говорили о недоверии, выросшем в народе к партии. Да, разочарование есть, недоверие есть, но и есть у нас с вами шанс. Коммунизм — это не те наши ошибки! Коммунизм — это не то, что мы натворили за эти 70 лет! Идеи коммунизма жили тысячи лет в человечестве — от платоновской республики, от Маздака, Кампанеллы, Низами, "Джангара" — великого калмыцкого эпоса, 550-летие которого будем праздновать осенью этого года. Народы мечтали о том государстве, о той стране, где люди будут жить, "ничего не деля на твое и мое", где все люди будут братьями. Это великая идея коммунизма. Она неубиваема, она будет всегда жить и всегда будет владеть умами и сердцами всех нас.

Я говорю, товарищи, как тот, который прошел Отечественную войну, как тот, который прошел 10 лет тюрем и лагерей сталинских, как тот, который был и обласкан, и охаян, как тот, который такой же, как вы, и думает так, как вы, каждый из вас. Мне больно за судьбу страны. Мне больно за судьбу нашей партии. Я прошу каждого выходить, немножко обдумав свое выступление, прежде чем подходить к этой трибуне.

Позавчера выступала секретарь райкома по идеологии А. В. Шутылева и говорила: я вижу, что в Президиуме никто не надел свой орден. Я не вижу в зале надевших ордена. Во-первых, ордена и медали надевают на праздники, а мы приехали с вами не на праздник, а на труд, и на труд тяжкий. Сидение 8 часов здесь, в этом зале, в креслах, и слушание тех речей, которые произносятся, и обдумывание своих мыслей — это тяжкий труд.

Во-вторых, мы говорим о трагедии нашего народа, мы говорим о наших великих бедах и будем сидеть здесь и там, блистая орденами, чтобы попасть на глаза нашему народу. Нельзя! Об этом надо было подумать.

И два слова я хочу сказать о внешней политике нашей партии.

Мы входим сейчас в человечество цивилизованное, от которого были оторваны 60—70 лет. Сейчас мы, увидев, как там живут, удивляемся. И с помощью опять-таки наших хитрых слов вместо того, чтобы сказать в "капиталистической стране", говорим в "цивилизованной". Недавно президент Академии медицинских наук меня поразил. Оказывается, словами факты можно показывать как-то не так. Он сказал: у вас в Калмыкии элегантный СПИД. Товарищи, мы прошли времена элегантного СПИДа, элегантного геноцида, давайте дойдем до времен, когда правда будет назы-

ваться правдой. И смотреть правде в глаза мы будем, как коммунисты.

От издательства.

Факсимиле записки М. С. Горбачева на выступление Д. Н. Кугультинова.

*Дорогой Андрей Валентинович!
Делайте себе более
свободные - журнал в
общем деле!*

Обнимаю.

Михаил

6.11.1990.

Выступление на 3-й сессии Верховного Совета СССР 28 мая 1990 г.

При обсуждении доклада об экономическом положении и Концепции перехода на рыночные отношения приоритетное положение занимали, естественно, экономисты. Но это такой вопрос — вопрос о благе народа, о счастье народа, — который касается не только экономистов, но всех, каждого из нас, присутствующего здесь, и каждого, кто смотрит сейчас телевизор.

Об этом думаем не только мы, но думали и до нас великие умы, великие философы, великие писатели. Помните, как сказано у Пушкина: "Бранил Гомера, Феокрита, зато читал Адама Смита и был великий эконом, то есть умел судить о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет. Отец понять его не мог и земли отдавал в залог". Как видите, Пушкин понимал эти вопросы порою глубже, чем многие наши экономисты сегодня. Он упоминает в "Евгении Онегине" произведения Адама Смита и суждения о том, почему государству не нужно золота, когда "простой продукт имеет". Пушкин был счастлив потому, что тогда простой продукт был и можно было обходиться без золота. Что сегодня сказал бы Пушкин, если бы стал выступать здесь, когда ни золота, ни простого продукта нет. А есть то страшное экономическое положение нашей

промышленности, говорить о котором даже язык не поворачивается.

Я постоянный подписчик очень хорошей газеты "Комсомольская правда", с удовольствием читаю эту живую молодежную газету. Два дня назад я получил от избирателей номер этой газеты за 20 апреля — его прислала избирательница Соколова из Москвы. В этом номере фотография туркменского мальчика, умершего от голода. Как же можем мы спокойно жить на этой земле? Я был потрясен, когда прочитал. Но, оказывается, была потрясена и вся страна: потом я получил еще 11 экземпляров этого номера "Комсомольской правды" со всех концов Советского Союза.

Когда мы обсуждаем сегодня вопрос о переходе на новые рыночно-экономические отношения, мы обсуждаем вопрос о том, как нам обрести человеческое лицо. Ведь мы люди не потому, что ходим на двух ногах, мы люди потому, что умеем сострадать друг другу, умеем пожалеть друг друга в отличие от всех прочих живых тварей. Но можем ли мы? Почему же мы, столько лет обещая блага народам, привели народ к такому состоянию? Я много думал над этим и должен сказать, что все-таки перестройка — великое благо. Ведь человек состоит не только из живых клеток — живые клетки есть и у пса, и у коровы. Мы мыслим, мы думаем, и мысль наша должна быть свободной. Без свободы мысли нет человека. Без такой гласности, какой владеем сегодня, мы были рабами, а не людьми: послушно повторяли то, что заставляли нас говорить.

Впрочем, не так уж и далеко мы ушли с тех времен в смысле внутренней свободы. Мы и до сих пор стараемся подвергать цензуре свои мысли и находим поразительные, удивительные слова, чтобы не произнести нежелательные. Нам ужасно слово "капитализм", и чтобы не сказать "капитализм", наши товарищи часто говорят "цивилизованные страны". А ведь слово "цивилизация" во всех словарях толкуется как синоним слова "культура", у нас же начинают обретать смысл слова "капитал", "богатство". Не каждый миллионер, не каждый богатый человек культурен. Цивилизация не определяется толщиной туго набитого кармана. И давайте будем говорить слово "капитализм", иметь то-то и то-то, давайте будем говорить абсолютную правду нашему народу.

Ведь чего наш народ боится? Больше всего он боится эксплуатации. Поэтому, чтобы пугнуть его, надо сказать: там эксплуатация, а у нас эксплуатации нет. Может быть, надо советскому гражданину простыми, доступными словами объяснить, что такое эксплуатация. Например, вот два микрофона. Здесь стоит Иван, а здесь Петр. Оба делают эти микрофоны. Тот, кто сделал левый

микрофон, получает 5 рублей за свою работу, а тот, кто правый, — 15 рублей. Мы должны объяснить людям, что те, кто не эксплуатируется, получают 5 рублей, а эксплуатируемые — 15 рублей. Вот когда мы это объясним простому советскому человеку, то продвигать идею рыночной экономики в народ будет легче.

Мне кажется, в докладе товарища Рыжкова слабым местом является отчуждение правительственной программы от народа. Мы боимся своего народа, боимся, что он нас где-то и как-то не поймет. А между тем народ гораздо мудрее нас, и если он все поймет, то вместе с нами пойдет на улучшение своей жизни, даже подтянут ремни. Только таким путем, вместе с народом и опираясь на него, мы можем сделать то, во имя чего нас с вами избрали в этот высокий орган.

В докладе товарища Рыжкова почти отсутствует слово "культура". Все цифры только из экономической области, но давайте подумаем: может быть, мы к нашей нынешней беде и пришли оттого, что понятия "нравственность", "совесть", "культура" когда-то были отторгнуты от нас, давно отчуждены и отошли. Часто наши руководители, да и мы с вами говорим, что все время запаздываем. А мне иногда кажется: многие наши беды от того, что часто мы опережаем события, не подготовив ни себя, ни народ к ним.

Итак, товарищи, я одобряю эту программу, одобряю то, что мы задумали, не боясь обвинения во всех грехах. А ведь уже обвиняют, пытаются сказать, что мы уходим назад, уходим вспять. Неправда это! Мы идем вперед. Наша главная задача была и заключается в том, чтобы всем народам жилось хорошо. И так как я являюсь председателем парламентской группы народных депутатов от автономий, то должен сказать: Николай Иванович, в Ваших документах слова "автономная республика", "автономии" опущены по старой традиции, когда вообще понятие "автономия" отсутствовало — мыслили только пределами союзных республик. Но сейчас настало время мыслить пределами счастья всех народов Советского Союза, не обращая внимания на его численность или на то, какую территорию занимает этот народ. Только благоденствие всех народов может нас привести к гармонии экономики и политики, только это.

У калмыков есть пословица: "Голодное войско драчливо". Есть русская пословица: "Когда нужда входит в двери, любовь вылетает в окно". Когда мы удалим нужду, когда мы удалим голод, тогда придет благоденствие в нашу страну, к народам нашей страны. И путь к благоденствию лежит только через переход нашей экономики к рыночным отношениям. Другого пути нет.

Выступление на 3-й сессии Верховного Совета СССР 30 мая 1990 г.

Верховный Совет чувствовал бы себя очень неловко, если бы не предоставил мне слово от имени многомиллионного буддийского востока. Выступали христиане, выступали мусульмане, и если бы не дали слова буддистам, то спросили бы у нас: не сослали ли их куда-нибудь далеко-далеко? Дело в том, что калмыки — единственный народ буддийского вероисповедания в Европе. Когда я об этом сказал в Венеции на симпозиуме "Европа и человек", все ахнули. Они знали, что буддисты всякими способами по одному, маленькими группами проникают в Европу, но чтобы целый народ в Европе был — они этого не знали.

Я не хотел выступать сегодня, зная, как воспринимают наши палаты тех депутатов, которые каждый день выступают, но я подумал: ведь мои старики и старухи ждут, чтобы я сказал здесь о них слово — для того они меня избирали. Так должен ли я считаться с тем, что обо мне подумают здесь, если я не буду считаться с тем, что обо мне подумают там? Дело в том, что калмыцкая буддийская религия сейчас находится в самом наихудшем положении. Когда сослали калмыков, то от буддийских пагод даже руин не осталось — все разобрали на камни, чтобы построить скотные дворы и так далее. Сейчас немощные старые люди, которые веруют великому Будде, по копейке собирают деньги для постройки хотя бы одного храма вместо сотен разрушенных.

Мы говорим, что церковь отделена от государства, государство отделено от церкви. Но это государство, которое, будучи отделенным, разрушило до основания все церкви. Я хочу спросить вас: имеет ли право государство, отделенное от церкви, разрушать только потому, что это отделено от государства? И тут вступает по моему в права то, о чем мы так много говорим, — совесть. Государство не просто машина, совершающая какие-то поступки, государство олицетворяет человека, и когда в государстве убита совесть, то тогда наступают тяжелые времена.

Помните, как в Евангелии от Иоанна сказано: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог". Третий стих Иоанна гласит: "В Нем была жизнь, и жизнь была светом человеку". Четвертый стих: "Светит Свет во тьме, и тьма не объяла его". Мы с вами, оттого что совесть ушла, объяты той тьмой, которая позволяет нам совершать и бесчинства, и порою узаконенные преступления, ибо разрушение храма, разрушение пагоды — величайшее преступление.

Мы должны сейчас, если уж говорим о совести, думать о наших стариках, о наших старухах, потому что перед ними мы в величайшем долгу. Они дали нам жизнь, они думали о нас, они плакали, когда мы были на фронте, они молились, чтобы мы живыми остались. И если мы сейчас этот закон примем, движимые к доброму действию, к милосердию, то только тогда мы с вами выполним свои обязательства перед нашим избирателем. А иначе мы будем просто теми, кто исполняет долг. Выступавший передо мной товарищ приводил толкование совести по энциклопедическому словарю. В древних буддийских книгах она толкуется так: "Совесть — это честь внутри. Честь — это совесть снаружи". Давайте мы совесть свою снаружи будем нести, как честь внутри.

Выступление на 3-й сессии Верховного Совета СССР 19 октября 1990 г.

Когда я слушал доклад М. С. Горбачева, мой слух ласкало упоминание об автономных республиках, автономных областях и округах, упоминание названий всех народов как равных. У нас довольно часто и сейчас еще проскальзывает эдакое пренебрежительное, слегка барское, "похлопывающее" отношение к нашим народам, хотя всегда мы клянемся прежними словами дружбы.

Мы в Верховном Совете СССР, как вы помните, приняли закон, по которому все автономные образования подписывают Союзный Договор. Но когда об этом пошла речь в Верховном Совете РСФСР, когда товарищ Ельцин стал говорить, что автономиям незачем подписывать (дескать, мы, союзные республики, будем подписывать от имени автономий, защищая их интересы от центра), я подумал: а от вас кто будет защищать наши интересы, если мы сами наравне с другими не будем подписывать Союзный Договор? Да и в конце концов кто мы, сидящие в Верховном Совете? Почему законы, принятые здесь нами, отвергаются там? И получается, что мы с вами как бы игрушечный Верховный Совет. Народ озабочен этим положением. И потому мне было приятно слышать, когда наравне с союзными назывались автономные республики.

Вчера Верховный Совет бывшей Калмыцкой АССР на сессии принял Декларацию о государственном суверенитете Калмыкии. А мой друг Герой Советского Союза В. Н. Очиров сейчас быстро на этих табличках стер букву "А", и там у нас стоит уже "Калмыцкая ССР". Думаю вы все, как и калмыцкий народ, рады этому акту.

Признать за народом право называть себя народом и определять свою судьбу так, как говорил об этом Ленин, сейчас у нас, как ни странно, уже радость. А иные эту радость даже готовы таить, чтобы не раздражать других. Удивительное складывается положение.

Мы мыслим все-таки еще старыми категориями. Перестройку я принял еще до того, как было введено в употребление это слово, когда впервые услышал о новом мышлении, соответствующем требованиям времени. Но новое мышление было провозглашено, а мы с вами все еще мыслим прежними категориями, руководствуемся глобальными понятиями "государство", "народ", "партия", "класс", "система", потому что трудно отвыкнуть. В какой-то степени так даже удобно. Мы привыкли говорить: командно-административная система, и глядишь — один из "китов" командно-административной системы подходит к трибуне, продолжает действовать в духе этой командно-административной системы. Конечно, это очень удобно, когда те, кто олицетворяет эту самую систему, бьют по ней, отводя себя в сторону. Но давайте будем называть вещи своими именами.

Рыночная экономика для меня приемлема, она мне по душе, потому что обращена не к группе, не к системе, а к человеку. Интересы человека стоят в центре рыночной экономики, поэтому мы давно должны были ее принять. Тот социализм, который называли казарменным, тоталитарным, на самом деле был социализмом лагерным. За десять лет пребывания в концлагерях я познал все законы этого социализма: как правят, как давят, как уничтожают человека "во имя человека", как человеку говорят, что он самый свободный, даже петь заставляют "Широка страна моя родная..." за колючей проволокой. Экономическое положение этого человека было таким же. Ложь правила нашим государством.

Сегодня мы, группа депутатов, шли сюда из гостиницы "Москва", и один молодой человек пристал ко мне: вы, мол, ведете нас к капитализму. Я ему говорю: дорогой товарищ, я на ходу такие вопросы не решаю. Нет, говорит он, передайте товарищу Горбачеву, что он ведет нас к капитализму. Я спросил у него (вот товарищи шли со мной, слышали): а ты нюхал капитализм, ты видел капитализм? Он отвечает: как я мог видеть? Так вот, говорю, ты сначала узнай, что такое капитализм (что такое социализм, ты знаешь). Ты считаешь: нас коммунисты к этому привели? Я коммунист, но к этому тебя не приводил. Я не капиталист и тебя к капитализму не зову. Зову к тому, чтобы тебе лично было хорошо, чтобы ты вел себя так, как велит Библия, как велит нравственность, выработанная народами за тысячелетия.

Сейчас изменился характер у наших народов: когда человек ворует у государства, никто его не презирает, и он думает —

хорошо, что не попался. Вот ведь какая "нравственность" сейчас. А почему? Правы люди, народ прав: если государство народ обворовывает каждый день, если государство его обворовывает в течение 70 лет и, несмотря на великое богатство, он стал нищим, то почему же не украсть у такого государства? У государства, которое на "законном основании" обворовывает его на миллионы. А он, пусть и незаконным путем, вернет себе то, что у него украли. Рыночная же экономика этого не позволит.

Поддерживаю то положение (оно действительно решающее), где сказано, что судьба народов решается всеми народами, велики ли они или малы. Но я исключаю предложение товарища Ельцина, когда он говорит: мы вас будем защищать от центра. А мы хотим защищаться сами — и от центра, и от союзных республик (слава богу, и Калмыкия стала сегодня тоже союзной республикой).

Выступление на 4-й сессии Верховного Совета СССР 16 ноября 1990 г.

В трудные минуты жизни я всегда обращаюсь за помощью к Пушкину. Я хотел обратиться к вам: "товарищи", — а потом вдруг осекся, потому что вспомнил Пушкина, впервые слово "товарищ" активно стало употребляться после того, как Пушкин определил братьев-разбойников "товарищами". Но поэму свою он назвал "Братья". А вы помните, там и русский, калмык, цыган и казак с Хортицы, и причем Пушкин к этим разбойникам отнесся с великим сочувствием и с жалостью, зная, почему они стали разбойниками: нечего было есть, нечего было надеть, потому они стали опасными эти "товарищи". (*Оживление в зале*).

Я вспомнил Пушкина; потому что сегодня мы собрались в наиболее трудный момент нашей истории. И опять вспоминаются слова из "Бориса Годунова", когда Гавриила Пушкин, обращаясь к Басманову, говорит: "А знаешь ли ты, Басманов, чем мы сильны? Не войском, не польскою подмогой, а мнением народным. Да, мнением народным".

И почему-то, собравшись здесь, мы не очень активно употребляли словосочетание "мнение народное". Будто все мы так, и каждый из нас, умны, что обсудим, рассмотрим, обойдемся без этого мнения народного, не говоря о том, что о нас думают те, кто послал сюда нас, что думает о нас мнение народное. А оно создается здесь: нашими делами, нашими действиями. Я думаю, что мы ошибаемся, когда полагаем, как на шахматной доске

расставив и переставив фигуры: коня — сюда, офицера — туда, короля — посередине и так далее, сделав какой-то ход, — можем выиграть великое сражение истории. Нет, братцы мои, нет, братья-товарищи, не так, гораздо сложнее обстоит дело. И потому, когда сегодня сделал свое выступление президент, исключительно важное, я заметил, обратил внимание, как депутаты зааплодировали. В последнее время я редко видел, чтобы речь президента аплодисментами встречалась. И аплодировали потому, что речь президента пришла по сердцу каждому. Ибо эта речь говорила о том, что действительно начинается пора наступления не на словах, а на деле, наступление против всего, что становится преградой нашему великому движению, преградой, ибо мы, говоря о наших пустых прилавках, говоря о наших магазинах, очень часто забываем о том, что дала нам за эти пять лет эта перестройка. Ведь она сделала нас с вами людьми.

Приятен наполненный желудок, и человек с полным желудком ощущает себя очень сладко и хорошо, пока не подумает о том, что он, кроме желудка, еще имеет сердце и голову, требующие свободу. Эту великую свободу мы получили в виде гласности и демократии.

Но наблюдая за течением жизни, я вижу сейчас: получили мы демократию, получили мы гласность, получили мы великое оружие борьбы за счастье народное, но умеем ли пользоваться оружием? Можно ли давать оружие тому, кто не умеет пользоваться им? А вдруг этот неумеющий пользоваться выстрелит да не в ту сторону, убьет — да не того. Вот почему, когда речь идет о власти, нам надо обязательно говорить об этом, думать о народах, о государстве и прежде всего о человеке.

Вот здесь много говорилось об обществе, государстве, но почему-то мы забыли о всеобщих правах человека, принятых Всемирной декларацией, и, позабыв об этом, мы совершаем великий грех, великий грех, потому что мы должны вмешиваться в дела соседа, мы оградил себя благородным лозунгом — "невмешательство в дела республики", "невмешательство в дела соседних государств".

Вчера со мной беседовала секретарь американского посольства Бералдин Джуселин и говорит: "Что вы думаете о правах народов, вы вот намекали на это?" Я сказал, что обвиняю Америку, обвиняю Францию, Англию: почему вы не вмешались в дела Советского государства, когда здесь шло уничтожение народов. Когда шел геноцид в отношении многих народов великой культуры. Почему вы, американцы, молчали, почему вы не вмешались? Ведь надо вмешиваться. Невмешательство — не самый лучший вид демонстрации мужества и мудрости. Не самый лучший вид.

Невмешательство в дела соседние приводит к тому, что у нас на

первом этаже грабят, на втором этаже молчат, даже не хотят поднять трубку и сообщить в милицию. Невмешательство — не благо. И потому, когда сегодня шла речь о том, что союзные республики должны быть хозяевами не только территорий, но и народов, потому что они союзные республики (я имею в виду речь представителя нового эшелона власти Грузии, который нам объяснил, что в Канаде есть провинция Квебек, говорящая на французском языке) — я обогатился знаниями (*оживление, смех в зале*): Это говорил представитель великой державы, великой культуры, где — Руставели, Чавчавадзе, Табидзе, я бы устал перечислять великих грузин.

Нельзя, товарищи, нам сейчас думать только о себе. Ведь человек, который о другом думает, что он ниже его, уже не человек. Он только так думает, и общество, думающее о других, что они ниже нас, тоже глупое и невежественное общество. Поэтому я говорю сейчас о работе нашего парламента. Давайте договоримся.

Тут говорили об отношениях между Ельциным и Горбачевым. Мне непонятно. Когда мне непонятно, я не стесняюсь спросить у других. Я спрашиваю у всех у вас и каждого из вас, как возможна конфронтация между Верховным Советом РСФСР и Верховным Советом СССР. Как? Ведь Верховный Совет РСФСР насчитывает 1030 депутатов, избранных на территории РСФСР от всех, кто населяет эту территорию, Верховный Совет СССР имеет 1090 депутатов, избранных из РСФСР. Теми же избирателями, которые избрали те же 1030. То есть здесь больше депутатов, избранных Россией, чем в Российскую Федерацию. Почему же они должны решать нашу судьбу? Почему здесь должна быть конфронтация? Мне это непонятно. Или оттого, что мы дали такое право? Я говорю о России, потому что живу в РСФСР. Я полагаю, что РСФСР и СССР, когда надо, должны собрать представителей России и поговорить. Мы даже не будем претендовать на то, что, пользуясь, шестьдесятю лишними голосами, будем давить. Мы не претендуем на то, что избиратели, избирая Верховный Совет СССР, делегировали нам большие права, чем избирая Верховный Совет РСФСР. Я об этом не говорю.

Я говорю о том, что мы как граждане России имеем одинаковые права, и мы должны решать их сообща. И когда мы говорим о власти президента, мы с вами от имени народов, избирателей своих дали ему полную власть и ждали, когда же он употребит ее. Он долго не употреблял, он так долго не употреблял эту власть, что мы с вами так радостно заплодировали, когда он сказал, надо наконец ударить кулаком по столу. Надо. Иначе в государстве, где народы, я уже намекал на это, не подготовлены к такой демократии, которую получили они, при отсутствии дисциплины — при

отсутствии власти никакой перестройки не будет. И потому я полагаю, что слова президента должны быть законом.

Иначе у нас получается так: командующий армией советуется с командиром дивизии: "Товарищ генерал-майор, вот я думаю дать тебе такой приказ, а ты посоветуйся с твоим полком, те начнут дальше". И какой же тогда он командующий?

Я хотел говорить еще и еще, но у меня нет времени, но я прошу вас подумать о том, что я сказал, и подумать о малых народах и опять-таки, помня слова Пушкина:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

То есть милость к слабым, милость к малым, а не душить малых этих, пользуясь тем, что ты сильнее и больше, чем они. (*Аплодисменты*).

Выступление на сессии Верховного Совета СССР

Товарищи, я в прошлый четверг получил телеграмму от Председателя Президиума Верховного Совета Калмыцкой республики, в которой он просил, чтобы я прилетел в Элисту. Звонили мне товарищи, жена: приезжай в воскресенье, приезжай, потому что бурлят все улицы. Сложные чувства испытывали многие и в четверг, и в пятницу, и в субботу. Я летел, а в голове строки Тютчева: "Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые". Я думал, блажен ли? А "минуты роковые" я чувствовал и думал тогда о справедливости мысли о президентстве: только Президент в эти минуты мог бы утихомирить даже в нашей маленькой республике волнения и всплески, возникшие в результате перестройки, потому что перестройка дала свободу, перестройка привела людей в состояние эйфории. Простите за иностранное слово, которое я употребил, ибо сейчас у нас в моде говорить "консенсус" вместо "согласие", в моде говорить "плюрализм" и "эйфория", как будто бы русское слово "опьянение" хуже этого слова "эйфория". (*Шум в зале*).

И в этом состоянии не только человек, который в борьбе с алкоголизмом вышел из состояния равновесия, в этом состоянии

и общество. Оно нуждается в отрезвлении. Мы получили самое великое в результате перестройки — свободу. Павлов говорил: "Стремление к свободе — врожденный рефлекс человека". Я знаю, что такое свобода. Недавно мне из Литвы прислали страничку перевода книги литовского публициста Густайниса. Он вспоминает, как мы с ним сидели во внутренней тюрьме в Барнауле: "Молодой, двадцатитрехлетний калмыцкий поэт все время читал стихи о свободе. Читал Канта, Ницше и Шопенгауэра из тюремной библиотеки. Лучшие библиотеки были тогда в тюрьмах потому, что они создавались из книг, изъятых при аресте. А вы знаете, кого забирали, какие были библиотеки у арестованных. У Шопенгауэра замечательную мысль вынес из его "Эвдемонологии".

Есть такая книга, в которой говорится, что люди должны пользоваться своим умом не боясь. Но философ тут же предупреждает: человек вам все простит, простит превосходство в титуле, превосходство в богатстве, но одного не простит — превосходства ума. Прячьте разум. И мы его с вами прятали долгие годы. Только Ленин позволял другим не прятать разум, он не боялся, что кто-то будет умнее его. Мы живем в состоянии напряжения. Я не знаю, может быть, стар стал и потому всего боюсь, но я боюсь за потерю свободы, я боюсь за перестройку. Я боюсь, так как вижу, что маленький человек в руках держит фанерку: "Я — за монархию". Мне этого человека жалко. Он — за монархию потому, что он не приемлет того, что есть сегодня, но он и не знает, чего хочет. Леонид Максимович Леонов говорил: мы столько лет разрушали, что построить быстро то, что разрушено за многие годы, невозможно. Надо показать плоды того, к чему мы стремимся. Я с товарищем Собчаком совершенно не согласен. Он у нас мудрец, он у нас напичкан статьями всех законов, но плохо чувствует жизнь, плохо чувствует то, что делается сейчас в стране. Нам нужен Президент, нам нужен человек. Даже начало выступления депутата Собчака о том, что мы должны отрешиться от людей, а полагаться только на законы, меня просто смутило. Думаю, такой умный человек, а говорит такие вещи.

Законов было очень много, прекрасных законов, но мало было прекрасных людей, которые исполняли бы эти законы. И нам незачем играть в прятки здесь. Мы — многонациональное государство, в котором происходит такое, что плакать хочется. Плакать хочется, потому что льется кровь. Мне стыдно подойти к армянину, потому что думаю: я подойду к армянину, а азербайджанец скажет: "Ах, какой Кугультинов". Если я подойду к азербайджанцу, армянин скажет: "Ах, какой Кугультинов". Но, товарищи, то, что происходит сейчас — язык не поворачивается это сказать, — дела не

разумных народов. Народы, которые дали миру Комитаса и Низами, — это великие народы, то, что делается там сейчас, — страшно, а что может быть дальше?

Собчак правильно сказал о Конституции, о необходимости немедленной работы по изменению хребта Конституции. Я голосовал за сохранение статьи 6, потому что ее ликвидация, мне казалось, ничего не меняет.

Один великий русский художник писал картину и внизу слева нарисовал собачку, не имеющую никакого к ней отношения. Когда обсуждали картину, все говорили: "А зачем здесь собачка?" Художник отстаивал. Но когда спор доходил до конца, он снимал собачку. Так и с Конституцией нашей — статья 6 является той собачкой. (*Смех в зале*). Все великие трагедии, все самое страшное произошло без этой статьи. Статья 6 пришла в Конституцию в 1977 году, а 1937 год был до этого. Поэтому я считаю, что работа над Конституцией, над коренным изменением всех статей, уравниванием прав человека, народов — этим будет заниматься Президент, он будет защищать автономии, он будет защищать малые народы от сильных народов.

Выступление на IV съезде народных депутатов СССР 20 декабря 1990 г.

Уважаемые товарищи! Для чего нам нужен Союзный Договор? Когда я говорю "нам", я имею в виду народы Советского Союза, всех тех, кто составил великую державу, победившую в войне с гитлеризмом, державу, обеспечившую всем нам возможность решать сегодня здесь наши судьбы.

Конечно, нужен Союзный Договор. Но что такое Союзный Договор? Для чего он нам нужен, если нужен? Полагаю, что Союзный Договор нужен всем народам для того, чтобы они чувствовали, что имеют право не только на жизнь, но и на защищенность жизни.

И тогда возникает вопрос: кто, от кого и как будет защищать? Здесь мы говорим: нужен Союз. Говорим о Центре, который будет координировать жизнь всех союзных государств, жизнь всех народов. Но что такое центр? Мы не вникали как следует в смысл этого слова.

Сейчас я вижу центр чем-то вроде шестнадцатой союзной республики, не имеющей периферии, не имеющей народа, не

имеющей территории, но похожей на ту космическую "черную дыру", которая поглощает интересы всех республик и от себя ничего ни одной республике не дает. Вот каким представляется этот центр из высказываний и выступлений многих известных лидеров союзных республик. Говоря о центре, они ведь понимают, что центр всегда бывает в круге, а когда из этого круга центр вытащишь и поставишь за орбиту, кто-то занимает его место. И заняв это место, ведут обстрел шестнадцатой республики, вроде бы вбирающей в себя интересы всех остальных пятнадцати существующих.

Но ведь это абсолютно неверно. Мы центр и создали для того, чтобы в нем, как в фокусе, сходились все интересы, сосредоточивались и, соединившись в одной точке, растекались, обогащая каждую из пятнадцати мудростью и богатством всех остальных. Чтобы я, войдя в этот Союз, был богат мудростью Лихачева, математическим талантом Рыжова, благодаря которому самолеты взлетают. А то как бедный калмык может из Элисты долететь до Москвы, не имея своего Рыжова! Как я могу говорить без каждого из вас о современной культуре! Мы все нужны друг другу, нам нужен центр, который, вбирая от нас, давал бы нам.

Повторяю эту мысль, ибо она, по-моему, важна. Выводя из орбиты каждой республики центр и занимая его место, некоторые товарищи преследуют какие-то чуть-чуть корыстные цели. Не хочу утверждать, что корыстные — хочу быть мягче. Все мы так начинены злобой, так много ненависти у нас сейчас, что хочется плакать.

Кто-то мудрый сказал: "Дурак учится на собственных ошибках, мудрец — на чужих". Чтобы нам все время учиться на собственных ошибках, надо наделать их столько, что мы в дураках останемся на всю жизнь. Давайте посмотрим, как было? Разве впервые и только у нас революция? Вспомните Великую французскую революцию. Я не случайно о Рыжове сказал и не случайно сказал о Лихачеве. Пусть один — в межрегиональной депутатской группе, а другой — нет. Вспомните, что случилось с Маратом, что случилось с Лавуазье. Величайшие гении: Марат в 30 лет создал философию человека, свою теорию о тепле, а Лавуазье — те законы сохранения вещества, которые мы с вами в школе изучаем. Марата заколола кинжалом Шарлотта Корде, а светлейшая голова Лавуазье отлетела от топора гильотины.

А ведь ни тот, ни другой не желали худого Франции, хотя стояли, как у нас нынче, "справа" и "слева". Никто из них не желал вреда Франции, добра желал. И, желая добра, лишился жизни. Неужели мы дойдем до того, что и правые, и левые, и демократы, и радикалы

начнут рубить головы друг другу. Если не физически, то морально мы уже довели до политического самоубийства товарища Шеварднадзе. Я бы хотел, товарищи депутаты, чтобы мы уехали отсюда домой не в бронированных автомобилях, иначе нас закидают камнями наши избиратели. Да и Горьковский автозавод бронированных машин для всех не сумеет изготовить — он не сумел сделать и четыре бронемшины.

Нам надо чувствовать ответственность перед своими избирателями. Мы — не те сытые, кто, наевшись дома, проклинает у этого микрофона милосердие Запада за посылки. А я видел сам, как благодарят за них наши недоедающие пенсионеры, инвалиды. Они благодарят, а мы, не сумев сбить своей спеси, говорим, что нас хотят унижить. Нас не унижить хотят — нам хотят доказать, что во всем мире живут люди, способные сострадать, помочь, и об этом нам тоже надо думать.

Мы живем в мире, где совершаются необыкновенные события. То, что происходит сейчас, нам трудно оценить, хотя все мы мудры. Поэт сказал когда-то: "Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии". Не нужно большого расстояния, чтобы заметить, что произошло. Я не боюсь потока писем, который посыплется, не боюсь, что скажут: старый Кугультинов занимается подхалимажем перед Горбачевым.

Я не об этом. Боэси, изучая природу диктатуры, сказал: "Есть три пути ее прихода. Путь первый — по праву рождения (я родился королем!). Второй — путь завоевания (Наполеон). И третий путь — путь избрания". Боэси говорит: тот, кто избран, казалось бы, должен быть лучшим, сносным. Но, увы, как только он добирается до власти, он только тем и занят, чтобы закрепить за собой престол и передать его по наследству. Однако мы с вами впервые были свидетелями того, как "король", который получил "престол" избранием и надел "корону", вдруг стал свою "корону", свой "жезл", "скипетр" делить на части. На 2500 частей разделил и роздал всем нам — всему депутатскому корпусу (я имею в виду товарища Горбачева). Не знаю, мудро он поступил или нет, не знаю, что он думает сейчас, когда даже хрупкие женские руки бросают в него осколки его жезла. Но, слава богу, кажется, они пролетают мимо.

Полагаю, что всем народам, и большим, и малым, надо подписать Союзный Договор, скрепить этот Договор, и тогда действительно мы станем непобедимыми, неуязвимыми и все будут нам завидовать, а мы, возможно, будем помогать всем бедным и сирым во всем мире, чтобы о нас говорили: "они добрые". (Аплодисменты).

Выступление на 5-й сессии Верховного Совета СССР 26 марта 1991 г.

Товарищи! Тут все достаточно много говорили. Но в то время, когда мы с вами разговариваем, гаснут домны, идет негативный процесс. Я хочу сказать не о развале экономики, не о катастрофе, в которой оказалась страна. Скажу о других вещах.

В субботу ко мне как к депутату приходили представители Академии педагогических наук. Они рассказали, что в Москве уже есть приметы голода. В детских садах дети сейчас подъедают все и облизывают тарелки. Раньше такого никогда не было, остатки детской пищи вывозились на корм свиньям. Сейчас, когда остается хлеб, его сушат и подают на стол, и дети сразу же его съедают. Появились признаки болезней, связанных с недоеданием. Это страшно. Я хотел бы, чтобы наши политики, Президент, шахтеры слышали, что дети от недоедания уже страдают анемией. А впереди посевная кампания. Не знаю, присутствует ли здесь Министр здравоохранения СССР И. Н. Денисов. В пятницу я с ним разговаривал и говорил о том, что больные в больницах страдают не от того, что не хватает лекарств, а от того, что тоже недоедают. Это факт, от которого никуда не уйти.

Когда мы ссылаемся на статьи закона, говорим о том, есть ли закон о политических забастовках или его нет, я не об этом думаю. Я думаю о том, что совершенно невиновные люди (а дети — абсолютно невиновны), страдают больше, чем кто бы то ни был. Мы уже растим больное поколение.

Я хотел бы, чтобы это слышали бастующие шахтеры. Я знаю, что такое голод. Вы видите, какой я грузный седой мужчина. Но когда-то мой вес был 40 килограммов. Я лежал, хотел двигаться, но не мог. Когда человек лежит и не может двигаться, ему кажется, что он находится на корабле, что его качает. Я спросил тюремного врача: почему меня качает? Он ответил: "Вам кажется, что Вас качает, потому что Ваше сердце то сжимается, то отпускает, — это пульсация". Я хотел бы, чтобы те, кто голодает, знали об этом. Для меня, человека, знающего, что это такое, всякая голодовка противоестественна, противоприродна.

Еще хуже — прибегать к голодовке с целью добиться каких-то политических выигрышей. Давайте не будем здесь мудрить и считаться, кто умнее. Не надо! Я хотел бы обратиться ко всем шахтерам: начните работать и ведите переговоры! Я говорю так не потому, что кем-то уполномочен, а потому что действительно человек может сорваться (это ведь факт), потому что люди могут начать умирать.

Еще в 1861 году в Японии императором был издан закон, защищающий детей: что бы ни делал ребенок до семи лет, он не наказывается никем — ни родителями, ни судом. Пусть даже человека убьет — не наказывается! Это действительно закон, защищающий детей. Ведь если до семи лет у ребенка будет подорвано здоровье, если он будет психически надломлен наказанием, то вырастет уже больным человеком.

Я говорю об этом, потому что дал слово людям, которые приходили ко мне, чтобы защитить детей. Я дал слово рассказать и о наших больных, которые находятся в больницах. Прошу об этом подумать. Никого карать не надо. Я согласен с предложением депутата Самарина. Никакого закона мы сейчас не примем, ибо это бессмысленно. Единственное, что остается,— обратиться к разуму шахтеров, к разуму наших политиков.

Выступление на 5-й сессии Верховного Совета СССР 29 мая 1991 г.

Однажды, слушая выступление В. С. Павлова по телевидению, я услышал яркую, прекрасную метафору "гроздь гнева". Он говорил с кузбасскими шахтерами, и этими двумя словами сэкономил множество слов, которые должен был сказать. Я подумал, как прекрасно, что мировая культура проникает к нам, а наша культура проникает в мир культуры многих континентов, разных народов. Если бы не было взаимопроникновения культур, едва ли человечество достигло бы сегодняшнего уровня цивилизации. Можно ли строить экономику, замкнувшись в собственном круге, и чего можно достичь, ежели какая-то держава пытается сделать это? Мы попытались в замкнутом круге развивать свою экономику, и результаты такого развития нам сейчас известны. Мы научились всегда защищать что-то от кого-то, порой то, чего мы не имеем, и тратили столько денег, что могли бы что-то и иметь.

Однако сейчас наступили те времена, когда мы осознали всю пагубность ведения нашей экономики в замкнутом собственном круге. Результаты общеизвестны. И только теперь, когда встал вопрос о выходе за пределы границ нашей страны, когда мы входим в мировую экономическую цивилизацию, мы понимаем, что Закон об инвестициях иностранного капитала необходим, и, может быть, его надо было принять значительно раньше.

Я имею в виду и то, что многие наши автономные республики объявили суверенитет и стали входить в прямые связи с иностранными государствами. В продолжение мысли депутата Шарипова я хотел бы сказать и подтвердить мысль депутата Лукина из парла-

мента России о том, что союзный Закон должен быть основополагающим, показывающим общее направление, а в законах об инвестициях в союзных республиках и в республиках должны учитываться свои детали. Я остановился только на России и думаю, что федерация тоже должна принимать какие-то для себя основополагающие законы, а суверенные республики должны детализировать их сами. Имею в виду в данном случае Калмыцкую ССР. Благодаря тому, что мы получили такой суверенитет и благословение на прямой выход к иностранным державам, мы завязали крепкие деловые отношения с Южной Кореей. Недавно в программе "Время" было объявлено о всех договорах, которые были заключены с корпорацией "Хендэ", с ее почетным председателем господином Чон Чжу Еном и председателем Ли Мен Баком.

Эта корпорация оперирует 40 миллиардами, подчеркиваю, 40 млрд. долларов, и господин Чон Чжу Ен находится в числе десяти самых богатых людей мира. Он недавно приезжал к нам в Калмыкию и, посещая предприятия Калмыкии, преподал нам уроки, как надо вести хозяйство. Важны не только капиталы, которые вкладывают иностранные предприниматели, а важно то, что они нас учат, как надо быть хозяевами, как слугами.

Знаете, все депутаты, когда были слугами, хвастались, что они слуги, имели и характер слуг. У слуги всегда в характере есть черта — украсть у хозяина. А когда нет ни одного хозяина в такой великой державе, а есть только слуги, все поступали так, как велит возможность. И вот этот богатейший человек мира Чон Чжу Ен, посетив маленький наш заводик, увидел, как мы работаем. Он подошел к штабелю досок, поднял доску и говорит: "Господа, это же такая ценность, ведь это же легко можно заменить полиэтиленом и иметь прибыль. И вообще я посмотрел на вашу страну и думаю, что при таком эмоциональном характере, как у вас, вы никогда не будете богатыми. Я, имеющий 40 млрд. долларов, не курю, потому очень дорогие сигареты. Я не пью, потому что очень дорого стоят алкогольные напитки. Приезжайте ко мне домой, в баре у меня вы найдете все во время приема ради дела. Японская поговорка гласит: тот, кто пьет, не знает вреда водки, а тот, кто не пьет, не знает пользы водки. Вот исходя из этих соображений, когда надо, я пригублю ради дела. А у вас пьют все, как я погляжу". Я пытался ему доказывать, что я уже не в том возрасте, когда можно это делать. Это молодежь еще может.

Я говорю о проникновении с капиталом и культуры ведения хозяйства. Я был поражен, когда богатейший человек из семьи крестьянина Кореи, в которой было шестеро детей, говорил, что до 20 лет не знал, что такое сытый желудок, а знал только работу. Только умение работать может привести к благу. Когда человек становится богатым — вот это есть благо.

Хочу остановиться еще на одном моменте в связи с принятием

этого Закона — развитию нашей вообще культуры. С вхождением в рыночную экономику советская культура попала в такое положение, что есть реальная угроза потерять все. Мы можем потерять и литературу, и музыку, и живопись. И вот в связи с созданием совместных предприятий, с развитием предпринимательства у нас начинают возникать то там, то здесь маленькие свечечки культуры и надежды на развитие культуры.

Даже такое маленькое совместное советско-испанское предприятие в Элисте под названием "Эбелек" уже выпустило книгу об участии калмыков в войнах России, в защиту России, провело выставку художников Калмыкии в Москве, став ее спонсором. А ведь если бы было побольше таких предприятий, может быть, действительно мы бы и развили то, благодаря чему развиваются дух и нравственность, основа всего. Этот документ мы должны в первом чтении принять, без него мы никогда не построим должную экономику, не создадим благ для нашего народа.

Выступление на 5-й сессии Верховного Совета СССР 8 июля 1991 г.

Считаю, что мы сегодня принимаем один из важнейших законов. Но странное складывается впечатление, когда читаю этот законопроект: как будто бы он начинается с середины — нет начала. Как будто были только репрессированные, пострадавшие, которых надо реабилитировать, но не было тех, кто совершал эти акции. Как будто не было тех, кто сажал людей, кто сотворил эту великую трагедию.

И эта как бы половинчатость законопроекта меня, если мягко сказать, смущает. Ведь мы принимаем этот Закон не только для того, чтобы восстановить в правах тех, которые были наказаны без вины, но принимаем его для того, чтобы никогда больше этого не случилось, не случилось такого великого позора, который пал на головы нашего поколения, — величайшего позора, большего позора, чем гитлеровский. Гитлер все-таки не уничтожал подряд своих, не уничтожал подряд своих полководцев. Рэма и прочих ближайших подручных он уничтожил, но не в таком же количестве, как у нас.

Кажется, в журнале "Известия ЦК КПСС" опубликован список образованного в 1936 году Реввоенсовета республики, состоящий из 85 человек. Это лучшие наши полководцы. Есть фотографии всех. Со страниц журнала смотрят на тебя печальные глаза этих 85. Из них своей смертью умерли только 7 человек, а остальные все были убиты. Были убиты те, кто не допустил бы такого хода войны,

какой мы имели в 1941 году. Думаю, мы обязаны в преамбуле Закона сказать об этом.

И еще. Мы должны принести извинения тем, кто многие-многие годы страдал ни за что, извинения правительства, извинения народа, извинения всех, потому что все в этом повинны. Это должно быть сделано во имя справедливости.

Сейчас в нашей стране делается многое для того, чтобы "раскопать" все, что творилось в нашей стране страшного, плохого. Поляки добились того, что Катынь "вытащили" и показали всему миру, а сколько у нас таких катыней укрыто? Сколько сотен тысяч мертвых, скрытых и до сегодняшнего дня не известных? Я мог бы назвать многих.

В Норильском лагере, где я сидел, проходила большая группа, в формулярах их преступность определялась так: "севастопольцы". Это были те тяжелораненые, оставшиеся севастопольцы, которые не смогли сесть на последние пароходы, на которых еще можно было уплыть. Немцы восхищались их героизмом, немцы оставили их в живых, назвав "севастопольцами", показывая, что такими должны быть солдаты. А мы, освободив их, перевели в Норильск, и в норильских лагерях доживали свои последние дни эти самые храбрые севастопольцы.

Сколько было убито в 1953 году после смерти Сталина... Все знают, что были восстания в норильских лагерях, в Караганде, в Тайшетлаге, в Воркуте, на Колыме. Восстания! Люди требовали, чтобы их освободили. А ведь в 1953 году была большая амнистия, бериевская амнистия, которая освободила всех воров, всех бандитов, всех настоящих жуликов, которые резали, выйдя на свободу, всех. А тех, кто потребовал свободы, порасстреливали. Я собственными глазами видел машины, груженные трупами и накрытые зелеными брезентами. Ветер открывал какие-то краешки, и ноги, руки мертвых торчали там. А виновные в этих преступлениях ходят и сейчас как ни в чем не бывало по нашей земле.

Знаю, что шурфы близ озера Ламы недалеко от Норильска забиты трупами офицеров-литовцев, латышей и эстонцев. Тех, которых просто за то, что они офицеры буржуазных армий, забрали, загнали в Норильск, а потом всех расстреляли. Расстреляли за то, что они литовцы, за то, что они латыши, за то, что они эстонцы. Мы не должны скрывать все это! Мы должны сделать так, чтобы никогда ничего подобного в истории нашей страны не было.

Я все боялся что-то пропустить. И почему-то одно слово всюду писал: "начало". А почему? Да ведь все начинается с начала, с момента, когда человек превращен в ничто. Вот почему всякое право начинается с права каждого отдельного человека. Когда он превращен в ничто, можно убивать уже и двоих, и троих, и пятерых, и сотни, и тысячи, и миллионы, и целые народы.

В пункте 14 проекта Постановления провели разделительную

черту: дескать, по народам мы все уже сделали, а по остальным жертвам репрессий надо еще делать. А ведь и по народам-то мы ничего еще не сделали. То есть сказали добрые, нужные слова, а народы маются, страдают. Я имею в виду тех же турок-месхетинцев, которые не имеют родины, которые скитаются по всей нашей земле и кричат: "Дайте нам где-нибудь место жить!". Они же люди!

А что делается с крымскими татарами?! Я каждый день получаю пачки телеграмм. Сегодня подошли ко мне в гостинице "Москва", как будто они меня избрали депутатом, и говорят: "Ну почему же от нас никого не избрали, чтобы мы как существующий народ подписали Союзный Договор?" Ни одного крымского татарина не включили в списки тех, кто будет подписывать Союзный Договор.

А советские немцы?.. Ведь это же целые народы.

Мы не можем принимать законопроект в первом чтении. Знаю, что из лучших соображений здесь сказали: надо принять его сразу. Мы должны только одобрить законопроект в первом чтении, и необходимо второе чтение.

Тут много таких пунктов, которые "не влезают" ни в какие рамки. Вот, скажем, записано, что нельзя реабилитировать тех, кто обвинен в пособничестве врагу. Я в Норильске отсидел 10 лет, видел сотни тысяч украинцев, которые были обвинены в пособничестве врагу, Бендере. А в чем заключалось пособничество? Приходил человек с автоматом и говорил: "Вынеси крынку молока, вынеси буханку хлеба. Не вынесешь — шлепну". И он бы шлепнул. И люди выносили крынку молока и получали по 10 лет, их обвиняли в пособничестве. А мы в своем Законе пишем: нельзя их реабилитировать, потому что они пособничали врагу.

Их осудили как бы за переход на сторону врага. Да как же ты мог перейти на сторону врага, если враг сам пришел к тебе на твою землю? Как мог калмык или кто-то другой с Волги переходить на сторону врага в Пруссии? Он не имел самолета, не мог туда перелететь, а враги пришли, завоевали, забрали... И те, кто допустил это, не несут вины. Нам надо все это пересмотреть с человеческой точки зрения и одобрить этот Закон в первом чтении с учетом всех предложений. Надо его принять, надо нам очиститься, покаяться нужно нам всем. А покаявшийся всегда получит прощение. Мы все нуждаемся в прощении, каждый из нас.

Выступление на V съезде народных депутатов СССР 2 сентября 1991 г.

Уважаемые депутаты! Много-много лет тому назад шестая часть нашей планеты провалилась, и все, кто живет в этом провале, должны были карабкаться вверх, чтобы достичь уровня жизни тех,

кто не провалился. И в этой яме, к несчастью, оказались многие-многие народы — большие и малые, и все должны были выкарабкаться вместе, тратя одинаковые усилия, помогая друг другу. И до сегодняшнего дня мы карабкаемся, пытаюсь войти в тот мир, который называют нынче цивилизованным. И на пути своего движения мы, естественно, делаем много ошибок, потому что никто до нас не имел такой злосчастной участи. И когда сегодня мы с большим вниманием выслушали заявление товарища Назарбаева, мы думали: вот где спасение, вот, наверное, путь, с помощью которого народы нашей страны выкарабкаются. Если и не сейчас, не на этом внеочередном Съезде народных депутатов СССР, но все равно возник бы большой шум. Большой шум могут поднять так называемые малочисленные народы, ибо автономные образования в нашей стране насчитывают почти 30 миллионов человек, которые живут в труднейших условиях на бескрайнем Севере у Ледовитого океана, всюду.

Почему названия этих автономий отсутствуют в заявлении товарища Назарбаева? Куда исчезли наши решения, которые были приняты на четвертом Съезде народных депутатов СССР?

Я говорю о многих республиках, которые по примеру России с гордостью и радостью назвали себя суверенными государствами. Но вдруг мы как будто бы исчезли, как будто нечто огромное на летающем блюде спустилось на Землю и проглотило все эти бывшие автономные, а ныне суверенные государства.

Я думаю, что мы непременно должны указать в законах, которые принимаем (извините, товарищи, я привык к этому слову и не отказываюсь от него), бывшие союзные республики. Признайте и Татарстан, и Башкирию, и Чувашию, признайте хоть на одну минуту равными с собой. Подумайте, что и они хотят жить, чувствуя себя свободными, чувствуя себя хозяевами своей земли, хозяевами своей страны.

А когда на таком авторитетном Съезде игнорируются права так называемых малых народов, я начинаю думать: мы жили при советской системе, мы и сегодня живем, называя свою власть Советской, но можно ли при этой власти строить так отношения с малыми народами? По 20 человек союзные республики будут выдвигать в Совет, а в России одних автономных республик 16, не считая других автономных образований. Как мы будем представлены? Или нам можно просто сказать: вы не союзные в нынешнем понимании и вы не будете принимать участия в образовании этих структур. Вы признаете нас за людей? (*Аплодисменты*).

От составителя	3
Указ Президента Российской Федерации "О награждении орденом "За заслуги перед Отечеством" III степени Кугультинова Д. Н.	5
Телеграмма Президента России	6
Телеграмма Председателя Правительства России	7
Основные даты жизни и творчества Д. Н. Кугультинова	8
Фрагменты биографии, начатые давно	13
"И в небесах я вижу бога..."	30
Язык — душа народа	33
"Пред солнцем бессмертным ума"	40
"Из пламя и света..."	44
Чувство завтрашнего дня	50
Выступление на I съезде народных депутатов СССР 6 июня 1989 г.	73
Выступление на XXVIII съезде КПСС 6 июля 1990 г.	76
Выступление на 3-й сессии Верховного Совета СССР 28 мая 1990 г.	80
Выступление на 3-й сессии Верховного Совета СССР 30 мая 1990 г.	83
Выступление на 3-й сессии Верховного Совета СССР 19 октября 1990 г.	84
Выступление на 4-й сессии Верховного Совета СССР 16 ноября 1990 г.	86
Выступление на сессии Верховного Совета СССР	89
Выступление на IV съезде народных депутатов СССР 20 декабря 1990 г.	91
Выступление на 5-й сессии Верховного Совета СССР 26 марта 1991 г.	94
Выступление на 5-й сессии Верховного Совета СССР 29 мая 1991 г.	95
Выступление на 5-й сессии Верховного Совета СССР 8 июля 1991 г.	97
Выступление на V съезде народных депутатов СССР 2 сентября 1991 г.	99

Литературно- художественное издание

Кугультинов Давид Никитич

АВТОБИОГРАФИЯ, СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

Составитель Дорджиева Данара Басанговна

Редактор А. В. Задорожная

Художник С. Э. Котинов

Художественно-технический редактор

С. Э. Котинов

ИБ № 1602

ЛР № 010037

Сдано в набор 18.02.97. Подписано в печать 24.03.97. Формат 60 x 84/16.

Печать офсетная. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура Harmonica.

Усл. печ. л. 6,04. Усл. кр.-отт. 6,27. Уч.-изд. л. 6,82.

Тираж 2000 экз. Заказ № 715."С" 002.

Калмыцкое книжное издательство,
Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста,
ул. Ленина, 243, Дом печати.

АПП "Джангар",
358000, Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. Ленина, 245.

Кугультинов Д. Н.

К 886 Автобиография, статьи, выступления. / На об. тит. л. сост.
Д. Б. Дорджиева.— Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997.— 100 с.:

ISBN 5-7539-0381-9

В сборник вошли автобиография поэта, его статьи о калмыцком эпосе "Джангар", калмыцком языке, о Пушкине и Лермонтове, а также выступления на съездах народных депутатов СССР и сессиях Верховного Совета СССР в 1989—1991 гг., впервые даны основные даты жизни и творчества поэта.

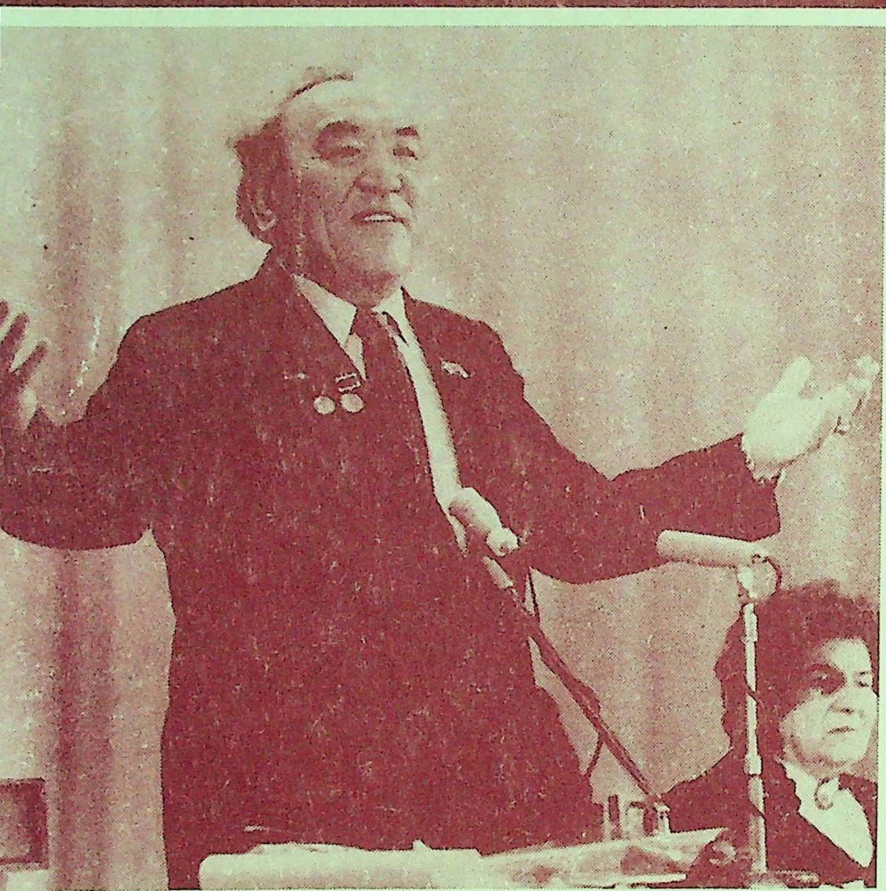
К 4702260201 — 002 Без объявл.
М 126(03) — 97

ББК 84—4 (Калм.)

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

Автобиография,
статьи,
выступления

Элиста ■ Калмыцкое книжное издательство ■ 1997